

В.Д. ЧАРУШНИКОВ

ЭПОХА
«РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»
(ЗАМЕТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ)

МОСКВА
2012

ББК 63

К-89

Чарушников В.Д.

Эпоха «развитого социализма» (заметки исследователя) /В.Д. Чарушников. - М.: НЭИ «Российская историография», 2012.- 102 с. URL: <http://klio.3dn.ru/publ/9-1-0-220>

В книге дается нетривиальная трактовка т.н. «эпохи застоя». Автор размышляет как о достижениях социализма в СССР, так и о серьезных ошибках тогдашнего руководства, приведших к провалам во внутренней и внешней политике. Главная мысль книги – возможности социализма в СССР не были исчерпаны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА А.Н. КОСЫГИНА.....	6
2. «ПИСЬМО ДВАДЦАТИ ПЯТИ».....	12
3. МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ».....	19
4. ДИССИДЕНТЫ.....	36
5. «ЗАПАДНИКИ».....	51
6. «СЛАВЯНОФИЛЫ».....	61
7. «ПРОРОК».....	69
8. «УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ ЭПОХИ».....	82
9. ЭПОХА «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»: PRO ET CONTRA.....	96
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	100

ВВЕДЕНИЕ

Двадцатилетний период (1964-1984 гг.) в официальной истории Советского Союза именовался «развитым социализмом», что означало большую отсрочку от вступления в коммунистическую фазу развития общества. Позднее перестройщики и реформаторы назвали его «эпохой застоя». Но последнее идеологическое клише ничего не дает для серьёзного анализа тогдашней ситуации в государстве.

С точки зрения системной динамики такой термин уместен лишь в отношении линейных систем, где развитие идёт лишь по восходящей линии. Общество же является сложной динамической системой с сильными нелинейностями, для которой характерны возвратные и зигзагообразные движения.

Людям, пережившим все трагедии и катастрофы XX века, данное определение («эпоха застоя») представляется предвзятым и ангажированным. Ведь всё познаётся в сравнении.

Цель данной книги — попытаться более взвешенно, с учетом исторических реалий, посмотреть на развитие нашей страны в то двадцатилетие.

При написании книги использовались личные наблюдения автора за происходившими тогда событиями, что крайне важно для осуществления научного анализа.

Данная книга – попытка посмотреть на господствовавшую тогда политическую систему как бы «изнутри», глазами своего поколения, непосредственно переживавшего все победы и неудачи страны.

Исходя из специфики книги, использовались и соответствующие методы исследования: наблюдения, проблемно-хронологический, ретроспективный, сравнительно-исторический. Основные ссылки на литературу приведены в тексте книги.

Учитывая масштабность избранной для изучения темы, автор ограничился изложением своих размышлений в форме очерков, надеясь привлечь внимание исследователей к проблеме более взвешенного изучения периода «развитого социализма», с учетом особенностей эволюции тогдашнего российского общества и внешнеполитической обстановки.

1. Экономическая реформа А.Н. Косыгина

В 1964 году перед новыми руководителями страны, первым секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Председателем Совета Министров СССР А.Н. Косыгиным встал целый ряд первоочередных задач: после хрущёвских экспериментов страну следовало вернуть в устойчивое состояние и наметить основные направления социального и политического развития государства. Первым шагом на этом пути стала реформа, которую связывают с именем А.Н. Косыгина.

В середине 60-х годов прошлого века советское руководство оказалось перед дилеммой: либо совершенствовать систему планирования производства в масштабах всей страны, либо попытаться использовать рыночные регуляторы производительных сил.

Выдающимся советским учёным академиком В.М. Глушковым была выдвинута концепция создания Общегосударственной Автоматизированной системы Управления народным хозяйством (ОГАС). Будучи участником международной школы молодых учёных, автор данной книги с большим интересом слушал его лекции на данную тему. Академик Глушков пользовался большим влиянием в партии и государстве. Тем удивительнее, что в конечном итоге предпочтение отдали идеям экономистов-рыночников, соблазнивших

правительство дешевизной своего проекта. Утверждалось даже, что его цена не превысит стоимости бумаги, на которой будет напечатано соответствующее Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Как уже отмечалось, данную попытку перевода советской экономики на рыночные рельсы прочно связывают с Косыгиным. Однако мало кто знает, что истинным идеологом реформы был харьковский профессор Евсей Григорьевич Либерман.

Нашу экономику душил так называемый «вал». Пятилетние планы экономического развития выполнялись только по данному показателю, все остальные показатели оказались проваленными. При равнении на вал предприятия старались максимально увеличить выпуск продукции. Будет ли она востребована потребителями - их мало волновало. Поэтому в стране быстро росли запасы произведённых, но не реализованных товаров.

В статье «План, прибыль, премия», опубликованной в 1962 году в «Правде», профессор Либерман выдвинул либеральные по тем временам идеи. Он рекомендовал отказаться от показателя валовой продукции как главного критерия работы предприятий и утвердить в качестве важнейших показателей прибыль и рентабельность производства, но при обязательном выполнении плановых договорных поставок в натуральном выражении.

Предполагалось вместо вала ввести показатель реализации продукции, устранить излишнюю регламентацию хозяйственной деятельности, усилить экономическое стимулирование работников. Фонд материального поощрения должен был формироваться за счёт прибыли. Никаких других ограничений здесь не вводилось. Предприятия по мысли Либермана сами могли определять численность своих сотрудников и их среднюю зарплату. Он также считал важным установление (минуя центральные планирующие органы) прямых экономических связей между предприятиями, а также между предприятием и рынком сбыта.

Разумеется, все эти нововведения профессор преподносил как воплощение в жизнь ленинского принципа материальной заинтересованности трудящихся. На самом деле, вместо критерия снижения себестоимости продукции (за счёт чего в послевоенные годы проводилось снижение цен на товары народного потребления) вводился критерий получения максимальной прибыли, то есть упор делался на товарно-денежные отношения.

Выражаясь современным языком, Либерман хорошо «пропиарил» свои идеи. В газетах и популярных журналах он публиковал статьи под кричащими заголовками (например, «Откройте сейф с алмазами!»). В академических изданиях он, наоборот, облачал свои, в принципе простые мысли,

в сложные математические формулы, придавая им наукообразный вид.

Ветер дул ему в паруса. Мода на математику и экономико-математические методы широко распространилась тогда в научных кругах. Некоторые оборотистые люди делали на этом головокружительную карьеру. Перед экономистами они выступали как математики, а перед математиками как экономисты. Почтовый ящик в харьковской квартире Либермана не мог вместить всех писем с приглашениями приехать с чтением лекций в разные города страны. Подобно кинозвезде, его просили прислать фотографии с автографами.

А.Н. Косыгин поддержал идеи харьковского экономиста. На сентябрьском 1965 г. Пленуме ЦК КПСС он выступил с докладом «Об улучшении управления промышленностью», по которому ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли Постановление «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства». Экономическая реформа началась.

Западные средства массовой информации заговорили даже о либерализации советской экономики. Первые результаты обнадеживали. Восьмую пятилетку (1966–1970 гг.) удалось завершить с результатами более высокими, чем в предыдущих пятилетках.

Всей стране стал известен опыт Щёкинского химического комбината, где уволили половину работников, а их зарплату разделили между оставшимися сотрудниками. Неплохо показали себя и другие предприятия, переведенные на новые методы хозяйствования. Однако вскоре выяснилось, что эти достижения во многом обусловлены созданными для них особо благоприятными условиями.

Предприятия бросились зарабатывать деньги и тратить их на увеличение зарплат. Материальные ресурсы на капитальное строительство и реконструкцию производства не выделялись. В итоге зарплата стала расти быстрее, чем производительность труда. Возник «отложенный спрос», порождённый нехваткой товаров.

В экономике стали нарастать инфляционные процессы. Наконец, щёкинский метод, примененный в широких масштабах, порождал свободную рабочую силу, которую просто некуда было девать. Вновь замаячила проблема безработицы, казалось уже бесповоротно решённая ещё в 30-х годах. Неудивительно, что реформа довольно быстро зашла в тупик. «Предоставив право предприятиям свободу манёвра ресурсами, - признавал Косыгин, - мы не сумели установить за ними действенный контроль».

Опыт неудавшейся реформы 1965 г. показал, что совсем освободиться от плана нельзя. Да, про-

изводство платьев, туфель, дамских шляпок невозможно планировать. Здесь всё находится во власти моды, которую нельзя предугадать. Но тяжёлая промышленность, составляющая основу экономики, гораздо меньше подвержена подобным изменениям, и развиваться должна на плановой основе. Правильное сочетание рыночных и плановых начал - залог успешного развития экономики страны.

По большому счёту концепция академика В.М. Глушкова более соответствовала модели социалистической экономики. Вождем же рыночный рай достигается, как показала история, за счёт чудовищной эксплуатации развитыми капиталистическими странами и без того бедного «третьего мира».

Противоречивый характер косыгинской реформы привёл к тому, что советское руководство стало больше внимания уделять развитию нефтегазового комплекса. За десять лет, с 1970 по 1980 гг., добыча нефти в Западной Сибири возросла в 10, а добыча газа – в 15 раз.

Когда в страну потоком хлынули нефтедоллары, политическая элита страны утратила интерес к серьёзным экономическим проблемам, посчитав, что потребность в реформировании экономики страны исчезла «сама собой».

2. «Письмо двадцати пяти»

После смещения Хрущева новому руководству страны следовало также определиться с основными принципами внутренней и внешней политики. Теоретически существовали две возможности: либо полностью дезавуировать решения XX и XXII съездов, либо дать более объективную и взвешенную оценку предшествующего сталинского периода. Большинство в руководстве страны, да и в государстве в целом, склонялись ко второму варианту.

Когда в речи, посвящённой двадцатилетию Победы в Великой Отечественной войне, Л.И. Брежнев упомянул имя Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, зал встретил его слова бурной овацией. Однако некоторых людей этот эпизод буквально привёл в ярость. Страна жила в ожидании XXIII съезда КПСС, который должен был всё окончательно прояснить.

И вот в эти дни появилось открытое письмо, адресованное Первому Секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу. Его инициатором и основным автором стал некто С.Н. Ростовский, печатавшийся под псевдонимом Эрнст Генри, в прошлом кадровый разведчик. В письме говорилось:

«Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

В последнее время в некоторых выступлениях и статьях в нашей печати проявляются тенден-

ции, направленные, по сути дела, на частичную или косвенную реабилитацию Сталина... Но даже если речь идёт только о частичном пересмотре решений XX и XXII съездов, это вызывает глубокую озабоченность... Мы считаем, что любая попытка обелить Сталина таит в себе опасность серьёзных расхождений внутри советского общества... Наш народ не поймёт и не примет (sic!- В.Ч.) отхода - хотя бы частичного - от решений о культе личности. Вычеркнуть эти решения из его сознания и памяти не может никто».

Далее читаем:

«Мы убеждены, например, что, реабилитация Сталина вызвала бы большое волнение среди интеллигенции и серьёзно осложнила бы настроения в среде нашей молодёжи... Не менее серьёзной представляется и другая опасность. Вопрос о реабилитации Сталина не только внутривнутриполитический, но и международный. Какой-либо шаг в направлении его реабилитации, безусловно, создал бы угрозу нового раскола в рядах мирового коммунистического движения, на этот раз между нами и компартиями Запада... Мы не говорим уже о том, что любой отход от решений XX съезда настолько осложнил бы международные контакты деятелей нашей культуры, в частности, в области борьбы за мир и международное сотрудничество, что под угрозой оказались бы все достигнутые результаты» (См. Новая газета, 2010, 19 февраля).

Письмо подписали двадцать пять человек. Среди них: академики Арцимович, Капица, Майский, Сахаров, Тамм, Сказкин; писатели Катаев, Некрасов, Паустовский, Тендряков, Чуковский; поэт Слуцкий; художники Корин, Неменский, Пименов, Чуйков; актёры и режиссёры Ефремов, Попов, Ромм, Смоктуновский, Хуциев, Товстоногов; балерина Плисецкая. Как видно из контекста, подписанты выступили от лица всей советской интеллигенции.

На самом же деле, интеллигенция по своей природе многослойна и включает в себя целый ряд подразделений: педагогическую, медицинскую, военную и иную интеллигенцию. Все эти подразделения располагаются между двумя краями спектра, на одном из которых находится техническая, а на другом – художественная интеллигенция.

К технической интеллигенции относятся инженеры, техники, технологи, то есть люди непосредственно связанные с материальным производством. А оно требует высокой организованности, чувства локтя и взаимной поддержки. Вот почему в технической среде меньше идейного разброда и шатаний. Понятно и другое: эта часть интеллигенции наиболее близка к народу, его запросам и интересам.

Иное дело - научная и художественная интеллигенция, сам характер которой способствует формированию психологии индивидуализма, эли-

тарности и других, весьма сомнительных с нравственной точки зрения качеств. Нетрудно видеть, что подписанты представляли именно эту, наиболее амбициозную, часть отечественной интеллигенции. Именно она присвоила себе право говорить от лица всего народа: «Наш народ не поймёт!», «Наш народ не примет!».

Показательно, что спустя еще двадцать лет из этой же среды вышли т.н. «прорабы перестройки». Письмо в «Известия» 5 октября 1993 г., когда ещё не были преданы земле тела защитников тогдашнего парламента страны, опять подписали актёры, режиссёры, писатели и поэты.

Конечно, из художественной среды вышли многие великие личности. Например, Уланова была не только гениальной балериной, но и удивительно светлым и чистым человеком. Главные принципы своей жизни она выражала словами «должна» и «нельзя».

Я никогда не идеализировал Сталина, но меня всегда удивляла конъюнктурная позиция части нашей интеллигенции. Ведь немало подписантов 1966 года получили свои высокие награды и звания, а также соответствующие им привилегии, ещё при жизни вождя. Живого Сталина они прославляли и обожествляли, а потом вылили на него ушаты грязи.

Общаясь с представителями этой части нашей интеллигенции, нельзя было не увидеть важного

для понимания сути изучаемой проблемы, момента: критикуя темные стороны сталинского режима, они одновременно посягали и на саму государственность, патриотизм. В итоге государство, в их интерпретации, представало в виде гобсовского Левиафана, которого нужно постоянно держать в узде. При этом почему-то забывалось, что под обломками разрушаемого государства могут погибнуть и сами его разрушители со всеми их «суверенными правами». Очерченный комплекс идей хорошо известен: имя ему либерализм. Либералы, много и усердно рассуждающие о свободе, однако не распространяют это понятие на тех, кто позволил себе хоть раз усомниться в «извечной правоте» самого либерализма, тех, кто видит под овечьей шкурой прекраснодушных фраз звериный оскал индивидуализма, пещерного эгоизма и равнодушия к судьбе простого человека...

«Письмо 25-ти» в кремлёвских верхах вызвало определённое недоумение. Ведь имя Сталина было не отделимо от истории Великой Отечественной войны. Первые художественные произведения об этом эпохальном событии были, в основном, созданы вернувшимися с неё молодыми лейтенантами (Ю. Бондаревым, В. Некрасовым и др.). В них они рассказали свою «окопную» правду.

Но прошло время. Наступила пора более масштабного и объёмного художественного осмысления войны. На экраны страны вышла монументальная картина «Освобождение».

ментальная киноэпопея “Освобождение”, а в печати появился большой роман И.Стаднюка “Война”.

И тут шпаги вновь скрестились на Сталине. Кое-кому не понравилось, что в этих произведениях Сталин руководит фронтами не по глобусу, как уверял всех на XX съезде КПСС Н.С.Хрущев, а так, как описывали маршалы Жуков, Конев, Василевский и другие компетентные военные специалисты.

По поводу романа И.Стаднюка “Комсомольская правда” опубликовала разгромную статью “Ответственность перед темой”, автором которой был доцент Горьковского университета Вадим Баранов. В ней он обвинил писателя-фронтовика в том, что в его книге “кощунственно оправдываются жестокие сталинские репрессии”.

В пору моей учёбы в университете Баранов был у нас секретарём комитета комсомола. Плотно я с ним не общался, поскольку по комсомольской линии особой активности не проявлял. Но он производил впечатление вполне вменяемого человека.

Вот почему я был просто поражен: с чего бы это доцент, специализирующийся по творчеству М. Горького, совершенно не знавший войны, с таким апломбом судит о военном и предвоенном времени. В открытом письме в газету И.Стаднюк разъяснил свою позицию и выразил сожаление по поводу того, что Великая Отечественная война

стала для некоторых людей всего лишь ареной для разыскания чьих-то ошибок и просчётов.

На XXIII съезде КПСС Брежнев высказался против крайностей – очернительства и лакировки действительности. И неизвестно, куда бы склонилась чаша весов, если бы мир не накрыла вторая волна десталинизации. В 1968 году разразился острейший социально-политический кризис в Чехословакии.

3. Мифы и реальность «Пражской весны»

В 1968 году в Чехословакии произошли события, которые громким эхом отозвались на европейском континенте и быстро обросли многочисленными мифами и домыслами.

В ту пору мне приходилось часто бывать в Праге, Брно и Братиславе, и многое из того, что там делалось, я видел своими глазами. Контуры картины наметились уже тогда, но окончательно она сложилась после поражения России в холодной войне.

На Западе к чехословацкому кризису 1968 года подходят с позиций известного принципа *per se*, то есть рассматривают его изолированно от остальных политических процессов в Европе. Тем самым игнорируется научный принцип историзма, требующий рассматривать все явления и события в неразрывной связи с конкретными историческими условиями.

Чехословацкий кризис имел свою предысторию. После победоносного завершения Великой Отечественной войны Советский Союз, естественно, стремился в полной мере использовать результаты своей победы. Требовалось так разрешить все геополитические проблемы, чтобы навсегда обеспечить безопасность своих западных рубежей. Надо сказать, что тогда ветер дул нам в паруса.

По границе СССР образовался пояс союзных ему государств Восточной и Центральной Европы. И не нужно думать, что это явилось результатом лишь волевого решения Сталина. Прежние режимы в восточно-европейских государствах обанкротились, западные же державы скомпрометировали себя двурушнической предвоенной политикой, закончившейся Мюнхенским сговором. То есть мощный обновленческий импульс исходил из самого восточно-европейского общества.

Авторитет же СССР был как никогда высок. Одержанная им Великая Победа обострила интерес к советской системе, сделала ее привлекательной для многих стран и народов. Даже авторы, выступающие с антисоветских позиций, не могут отрицать, что в первые послевоенные годы психология масс оказалась весьма восприимчивой к идеям социализма, с которыми ассоциировались мир, труд, социальная справедливость и равенство людей. Все это явилось одной из причин образования мощного восточно-европейского блока во главе с Советским Союзом.

В Западной Европе система послевоенных отношений определялась аналогичной ролью США, Великобритании и Франции, их военно-политическим доминированием на оккупированных территориях.

Вместе с тем, нужно видеть тогдашние политические реалии. СССР закачивал в «социалисти-

ческие страны» огромные материальные ресурсы. Они плыли к берегам экономического подъема на волнах дешевой советской нефти. При этом ответной любезности наши союзники особо не проявляли и продавали нам свои товары по весьма высоким ценам.

Конечно, за прошедшие после войны десятилетия народы восточно-европейских государств познали не только преимущества нового строя (а они, судя по теперешней ностальгии многих восточноевропейцев по прошлому, действительно имелись), но и столкнулись с рядом негативных моментов, характерных для советской системы.

Скверную услугу оказало также бездумное копирование советского опыта, игнорирующее местные условия и традиции. Словом, горючего материала накопилось со временем предостаточно.

Все это в полной мере проявилось в Чехословакии. Надо сказать, что до 1968 года отношение чехов и словаков к русским было, в основном, дружеским. К нам относились как к братскому славянскому народу, сыгравшему решающую роль в освобождении страны от фашизма.

Однако в чехословацком руководстве наряду с просоветским ядром (Новотный, Гусак, Биляк, Индра и др.) имелись люди явно прозападной ориентации (Кригель, Цисарж, Шик, Смирковский и др.).

В условиях холодной войны, когда директива Совета национальной безопасности США предусматривала организацию в социалистических странах волнений и мятежей, эта «пятая колонна» могла стать для СССР большой проблемой.

Конечно, при правильной политике, опираясь на традиции славянского единства и советско-чехословацкой дружбы, можно было блокировать западников и обеспечить геополитические интересы Советского Союза в Чехословакии. К сожалению, события пошли по совсем другому сценарию.

До 1968 года первым Секретарем ЦК КПЧ и Президентом ЧССР являлся А. Новотный, вполне лояльный Москве человек, но он...не нравился Брежневу. По-видимому, здесь сказались какие-то личные причины. Когда Брежнев после своего избрания в 1964 году первым секретарем ЦК КПСС стал обзванивать в новом качестве своих коллег в социалистических странах, А. Новотный имел неосторожность сказать: «А я все-таки думал, что Хрущев останется во главе правительства». Отношения сразу оказались испорченными.

Западники начали активно разыгрывать эту карту, и, используя реальные и мнимые ошибки Новотного, с помощью советского руководства сместили его со всех постов. В качестве первого секретаря ЦК КПЧ они порекомендовали Брежневу свою кандидатуру – Александра Дубчека. Его

анкета вполне удовлетворяла Москву. Он долгое время жил, учился и работал в Советском Союзе и, как предполагалось, впитал советский образ мысли и советскую идеологию. Короче говоря, «наш Саша».

Однако выбор оказался неудачным. «Наш Саша» начал, попросту говоря, морочить головы советским коллегам. В узком кругу он объяснил свою линию поведения так: «Я только стараюсь улыбаться Брежневу. Говорю «да, да» а, возвращаясь, домой, ничего не исполняю» (См. Советская внешняя политика в годы холодной войны (1945-1985). Новое прочтение.- М., 1995, с. 319).

Фактически новый лидер с самого начала находился под влиянием антисоветских сил. В Чехословакию в качестве советников прибыли кадровые сотрудники ЦРУ и Госдепа США, в том числе небезызвестный З.Бжезинский, рассматривавший ЧССР в качестве первого объекта «западной либерализации».

И зацвела «Пражская весна». А.Дубчек провозгласил построение «социализма с человеческим лицом». Лозунг этот изобрел некто Радован Рихте. Что это такое - толком никто не знал. Никакого нового дыхания социализм не получил. Реформы, по сути, и не начинались.

За два десятилетия до Горбачева была провозглашена «демократизация и гласность» (либерализация прессы, полная отмена цензуры и всех

запретов). В ЧССР в короткий срок появился целый ряд антисоветских организаций («Клуб-23», «Клуб беспартийных активистов» и др.), была создана сеть подпольных типографий и радиостанций, распространяющих материалы клеветнического содержания. Со страниц газет и экранов телевизоров хлынул поток антисоветской и русофобской пропаганды, что не могло не отразиться на моральном климате в обществе.

Вот только один весьма характерный эпизод. В мае 1968 года мы с коллегой из Чехословацкой Академии наук сидели в каком-то типичном пражском ресторанчике. Разговаривали по-русски. Услышав русскую речь, к нам тотчас подсели какие-то субъекты и с места, в карьер, стали меня обвинять в том, что русские поработили все народы Советского Союза, а теперь хотят сделать то же самое с народом Чехословакии. На мой вопрос, какие конкретно народы поработили русские, последовал ответ, например, украинцев. Я стал объяснять, что во главе Украины стоит украинец П.Шелест, а уровень жизни на Украине гораздо выше, чем в России.

Тут один из подошедших встал и, показав на меня рукой, закричал: «Он большевик!». Мой коллега вскочил и замахал руками: «Нет, нет, он не большевик, он только комсомолец». Как говорится «все это было бы смешно, когда бы ни было так грустно». На стенах домов появились надписи:

«Хотим свободы!», «Русские вон!», «Возвращайтесь в свою Сибирь!» Обстановка накалялась с каждым днем, а новые вожди красовались на митингах, боролись за «рейтинги» и, демонстрируя свои непомерные амбиции, занимались откровенным популизмом.

Складывалось впечатление, что их больше занимала не конечная цель реформ, а желание показать себя, сыграть на всплеске общественных эмоций. Как очевидец событий могу сказать, что ситуация в Чехословакии в 1968 году в деталях напоминала ту, что сложилась у нас в СССР двадцать лет спустя. Те же наэлектризованные толпы людей, те же «победительно наглые» младшие научные сотрудники и старшие лаборанты, предводительствуемые демагогами в профессорских мантиях. Наконец, тот же самый финал: в обоих случаях дело закончилось полным распадом государственности. Правда, в Чехословакии ввиду малых размеров страны этот процесс прошел менее болезненно, чем у нас.

Конечно, Советский Союз в 1968 году еще являлся сверхдержавой. Но социалистический блок уже трещал по всем швам, что со всей отчетливостью проявилось и в данной ситуации. Если лидеры непосредственных соседей ЧССР (Польша, Венгрии, ГДР), столкнувшись с массовыми волнениями и беспорядками в своих странах, заняли подчас даже более жесткую позицию, чем их

советские коллеги, то югославские и румынские руководители выказали однозначную поддержку пражским реформам. В результате возникла угроза возникновения своего рода «Малой Антанты» в составе Чехословакии, Югославии и Румынии.

Советские же руководители порой не могли отделить сущностных явлений от раздражающих их частных и допускали грубые просчёты. Брежнев, конечно же, понял, что Дубчек – это его личная ошибка. Но признавать своих ошибок он не любил.

На Дубчека пытались влиять по различным каналам. Его бывшего одноклассника, первого секретаря Горьковского обкома партии К.Ф. Катушева срочно вызвали в Москву и сделали секретарем ЦК КПСС по связям с соцстранами. Начались «фронтальные встречи» двух Политбюро. Однако, встреча в Чиерне-над-Тиссой по существу сорвалась. На встрече в Братиславе, правда, удалось принять документ общего характера с заверениями о нерушимости социалистического лагеря.

Но в этот же день на центральной площади Братиславы был организован грандиозный митинг, на котором Смирковский фактически подстрекал массы против СССР, а для пущего эффекта при свете мощных прожекторов, под рев толпы, разорвал на себе рубашку.

Нежная «пражская весна» явно перешла в жаркое «лето». На глазах рушился весь центральный участок обороны Советского Союза. 17 августа Брежнев направил Дубчеку письмо, где говорилось, что, не смотря на достигнутые договоренности, антисоветская пропаганда в ЧССР продолжается. Ответа от Дубчека он не дождался.

Зато на следующий день получил послание от президента США Линдона Джонсона. Тот явно давал понять, что Соединенные Штаты будут соблюдать Ялтинские и Потсдамские соглашения и не намерены вмешиваться в дела «восточного блока». Так что утверждение о том, что в августе 1968 года СССР поставил мир на грань ядерной войны, мягко говоря, не соответствует действительности.

Между тем, события стали развиваться с калейдоскопической быстротой. Группа ортодоксальных коммунистов обратилась к советскому руководству с письмом, в котором выражалась просьба помочь удержать страну от хаоса и анархии. Письмо подписали секретари ЦК КПЧ Й.Ленарт и Л.Штроугал, члены ЦК А.Индре, В.Бияк, Д.Кольдер.

21 августа войска стран-участниц Варшавского договора вошли в Чехословакию и в течение 36 часов установили контроль над её территорией. С чисто военной точки зрения операция была спланирована вполне квалифицированно: был учтён опыт венгерских событий 1956 года, приняты ме-

ры по предотвращению кровопролития с обеих сторон.

Однако дальше начались неудачные политические импровизации. Сплотить просоветские силы и создать на их основе альтернативное западникам правительство не удалось.

22 августа в пражском пригороде Высочаны в столовой завода ЧКД открылся XII чрезвычайный съезд КПЧ. Он избрал новый Президиум ЦК, резервируя в нем место для отправленных в Москву прежних руководителей. Исполняющим обязанностей первого Секретаря ЦК КПЧ стал профессор высшей экономической школы Веник Шилган. От лица съезда он обратился за помощью к международному коммунистическому движению и потребовал вывода иностранных войск с чехословацкой территории.

Советскому руководству пришлось вести в Москве трудные переговоры с Дубчеком и его людьми. Согласно подписанному 26 августа 1968 г. протоколу, чехословацкая страна снимала с повестки дня Совета Безопасности ООН вопрос об оккупации Чехословакии. Советские войска оставались в ЧССР временно до наступления «нормализации» (конкретный срок не оговаривался). Правда, чехословацкая делегация потребовала от Москвы отказа от создания в их стране параллельного центра власти типа революционного рабоче-

крестьянского правительства Кадара в Венгрии 1956 года.

В ответ советская сторона заявила, что в таком случае нужно признать незаконным высочанский съезд. Чехословацкая делегация согласилась. Формально это выглядело как компромисс. Но высочанский Президиум ЦК КПЧ уже существовал, а никакого рабоче-крестьянского правительства Чехословакии не было и в помине, однако Дубчек и его сподвижники об этом не знали. Ими руководил не только страх за свою жизнь. По существу они боялись и своих спасителей из Высочан. А вдруг Москва поставит на них самих крест, и будет иметь дело со вновь избранным руководством?

После своего возвращения в Чехословакию Дубчек и его сторонники решения высочанского съезда аннулировали, а его деятелей постепенно убрали с ключевых постов.

В апреле 1969 г. Первым Секретарем ЦК КПЧ избрали словака Густава Гусака. Даже его противники из состава деятелей «Пражской весны» считали его личностью, превосходящей своими способностями большинство тогдашних коммунистических лидеров. Один из руководителей Словацкого национального восстания 1944 года, Гусак всегда являлся твердым сторонником Советского Союза и даже одно время ратовал за присоединение Словакии к СССР. С приходом Гусака к вла-

сти обстановка в ЧССР постепенно нормализовалась. *Но, подчеркнем, все это можно было сделать и без военной акции, принесшей много серьезных моральных и политических издержек.*

Начнем с того, что чехословацкие события серьезно обострили внутривнутриполитическую обстановку в самом Советском Союзе. Именно к этому времени относится окончательное оформление диссидентского движения в СССР, активизируются антисоветские настроения в мире.

К сожалению, и в наше время можно еще встретить публикации, которые, по сути, повторяют пропагандистские клише западной пропаганды конца 60-х годов прошлого века. Данные клише, ничего не имеющие общего с научным анализом, проникают и в учебную литературу. Так, в учебном пособии «Россия в истории мировой цивилизации IX-XX вв.», созданном под патронажем Института «Открытое Общество», сообщается, что «в маленькую Чехословакию было введено больше танков, чем в 1941 г. бросил на СССР Гитлер» (Жуковский С.Т., Жуковская И.Т. Россия в истории мировой цивилизации. IX-XX вв., М., 2000, с. 381). Надо ли говорить, сколь далеко все это от исторической действительности.

В отличие от США и их союзников СССР не накрывал коврами бомбардировками целые города и не обстреливал гражданские учреждения и мирных жителей, как это имело место в Югосла-

вии, Афганистане и Ираке. Войска стран-участниц Варшавского договора имели строгое указание избегать столкновений с населением. Со своей стороны Президент ЧССР Людвиг Свобода отдал приказ Чехословацкой армии сохранять нейтралитет. В результате, число жертв было сведено к минимуму.

Последний раз мне довелось побывать в Чехословакии в 1971 году, когда там уже все более или менее успокоилось. Понятно, что от прежнего дружелюбия не осталось и следа. Мне даже порекомендовали на улицах пользоваться немецким языком.

Конечно, опять было много споров. Мы старались объяснить своим чехословацким коллегам, что нам русским в принципе все равно, какой социализм они собираются строить, с человеческим лицом или с каким-то иным. В сущности, важен был не тип общественного строя. Требовались твердые гарантии того, что на западных границах Советского союза никогда больше не возникнет новая военная угроза. Например, у нас удачно сложились послевоенные отношения с Финляндией. Эта капиталистическая страна отказалась вступать в блок НАТО. Соблюдая нейтралитет, она не допускает размещение на своей территории иностранных военных баз.

Когда мы пытались довести эту мысль до чехословацкий «товарищей», то слышали в ответ:

возможное вступление Чехословакии в НАТО — это плод нездорового воображения советского руководства, что такого не будет, потому что не может быть никогда.

Увы, после роспуска Варшавского блока и Чехия, и отделившаяся от нее Словакия, первыми стали стучаться в ворота североатлантического альянса. Позднее США объявили, что на территории Чехии и Польши будут размещены системы ПРО.

С геополитической точки зрения неизбежно возникает вопрос: почему же советское военное присутствие в странах Центральной и Восточной Европы считалось незаконным, хотя СССР понес в годы Второй мировой войны колоссальные жертвы, а американское присутствие там считается необходимым?

Сами чехи и словаки сейчас говорят, что они всегда испытывали самые лучшие чувства к братскому русскому народу, но события 1968 года развернули их в сторону Запада. При этом почему-то ничего не говорится о многовековом господстве Габсбургов, о Мюнхенском сговоре 1938 года, когда Великобритания, Франция и Италия сговорились с Германией о расчленении Чехословакии.

Можно было ожидать, что, добившись независимости от Москвы, братья-славяне реализуют, наконец, провозглашенную в 1968 г. высокую мечту и одарят результатами своего политическо-

го творчества остальной мир. Однако ничего подобного не произошло. Согласно историософии модного перестроечного экономиста и писателя Н. Шмелева, чехи давно уже очнулись от «бузотерства» времен Яна Гуса и Яна Жижки и занялись делом более достойным цивилизованных людей – «варкой» и потреблением пива («Независимая газета», 2000, 24 июля).

Правда, в отношении цивилизованности возникают некоторые сомнения. Так, Чехия, Словакия и другие страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 2003 г. поддерживали агрессию США в Ираке, чем вызвали сильное недовольство Франции и Германии.

Невольно напрашивается и другой вывод: где бы ни возникал т.н. «социализм с человеческим лицом» - везде он заканчивался одним и тем же – «бархатными революциями» и... враждебными России альянсами. Так было в свое время в Чехословакии, Польше, Венгрии, Болгарии, Румынии, ГДР, Литве, Латвии, Эстонии.

Руководители данных стран постоянно говорят о том, что их народы стремятся вернуться в лоно европейской политической системы, из которой они будто бы насильственно были вырваны. На самом деле, речь, скорее всего, шла о заурядном стремлении поскорее примкнуть к победившей стороне. Обретение же политического суверенитета страной-саттелитом, как показывает

практика, оборачивается перемещением в сферу влияния нового центра силы.

Прошло время, но Советский Союз в ряде работ и учебных пособий по-прежнему шельмуется как «империю зла», разрушение которой якобы являлось неременным условием всеобщего благоденствия и процветания. При этом никто почему-то не вспоминает о широко известных проявлениях внешней политики США: Югославия, Афганистан, Иран – лишь последние из них. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть, где находятся эти страны, а где - Соединенные Штаты.

В связи с этим, невольно напрашивается вопрос: случайным ли совпадением был ракетный удар по Афганистану 21 августа 1998 г. - в день, когда «всё прогрессивное человечество» отмечало тридцатилетнюю годовщину ввода войск стран участниц Варшавского Договора в Прагу?

Боевые действия в регионах, заподозренных в антиамериканской деятельности, ведутся с неслыханной жестокостью. В отношении сербов даже нельзя говорить о двойной морали - её здесь не было вообще. Традиционное обвинение в приверженности к коммунизму тут абсолютно не работает: хорват Туджман был таким же коммунистом, как и серб Милошевич. Сербь фактически были объявлены народом-изгоем. В Югославии в пасхальную ночь натовская ракета с надписью «Вот

вам пасхальный привет» унесла десятки жизней. Среди погибших были и дети.

Очевидно, что после поражения СССР в холодной войне резко усилилась эскалация экспансионистских устремлений НАТО. Как заявил не безызвестный Г.Киссинджер, США остались «единственной сверхдержавой, которая обладает возможностью вмешательства в любой части земного шара». И, действительно, сегодня в Вашингтоне пытаются перекраивать геополитическую картину мира и решать - какому народу и с каким правительством жить.

Но и победители получили не совсем то, что хотели. Эйфория в их рядах начинает постепенно спадать. Вот как характеризует теперешнюю ситуацию в мире бывший директор ЦРУ Р.Гейтс: «В результате событий последних лет мир стал гораздо более нестабильным, сумбурным, непредсказуемым и переполнился насилием. Надежды на новый мировой порядок сменились реальностью мирового беспорядка. Это не тот лик мира, который мы ожидали увидеть после кончины коммунизма».

4. Диссиденты

«Диссидент», в переводе с латинского, означает несогласный, инакомыслящий. Диссиденты называли себя также правозащитниками. Относительно времени зарождения диссидентского движения у историков нет единого мнения. По одной версии оно началось с демонстрации на Пушкинской площади 5 декабря 1965 года в день Советской Конституции и требования эту Конституцию соблюдать.

Но некоторые исследователи считают, что диссидентство зародилось несколько раньше, сразу после смерти Сталина. Первое время критически настроенные интеллигенты собирались на своих кухнях для неформального общения. Не имея, как правило, специального философского, экономического и социологического образования, они, однако, считали себя экспертами по всем вопросам.

Однако довольно быстро диссиденты «формализовались» и создали свою субкультуру с налаженной связью, финансированием и базой для издания соответствующих материалов. Особое значение приобрёл так называемый «самиздат» — изготовление и распространение нелегальной литературы.

Здесь срабатывал известный психологический эффект запретного плода. Именно тогда большой

популярностью пользовался анекдот: старушка перепечатывает на пишущей машинке книгу «Война и мир» Толстого. Её спрашивают: Вы что, свихнулись? «Нет, — отвечает она, — я хочу, чтобы внучка прочитала роман. Она читает только то, что напечатано на машинке». С течением времени диссидентские авторы стали активно публиковаться за рубежом («тамиздат»).

В своём известном эссе «Просушествует ли СССР до 1984 года?» Андрей Амальрик утверждал, что активных участников диссидентского движения насчитывалось несколько десятков человек. Все остальные были сочувствующими.

С диссидентами-лидерами, которые со временем уподобились популярным певцам и кинозвёздам, мне пересекаться не пришлось. Зато с «сочувствующими» автор данной книги наобщался, как говорится, под самую завязку. На кафедрах, в лабораториях они разговаривали друг с другом как «посвящённые» на каком-то особом языке, так что порой трудно было понять, о чём идёт речь. Чувствовалось, что у них общие взгляды и интересы, отличные от общепринятых.

Кумиром в диссидентской среде считался актёр Театра на Таганке и знаменитый бард Владимир Высоцкий. Правда, открыто он себя с диссидентами не связывал, а в отдельных его песнях звучали и гражданские мотивы. В перестроечное время большой популярностью пользовалась пье-

са «Страсти по Владимиру». Другой вариант названия – «Концерт Высоцкого в НИИ». Мне пришлось присутствовать на концерте Высоцкого в МГУ, где я проходил переподготовку на факультете повышения квалификации.

Понятно, что просто так пригласить барда в Московский университет не могли. Поэтому его выступление официально оформили по линии общества «Знание».

Вечер проходил на геологическом факультете, и в объявлении сообщалось, что его тема - «Музыка и гитара в спектаклях Театра на Таганке». Подготовка встречи была окутана тайной, и «простой» аудитории сообщалось, что петь и рассказывать будет Валерий Золотухин. Так что всеобщий любимец появился лишь в самый последний момент.

Из отдельных реплик и намёков диссидентов следовало, что они считают истинными героями нашего времени только тех, кто вступил в прямую конфронтацию с властями и подвергся за это репрессиям. Все остальные, по их мнению, – трусливые конформисты и приспособленцы, в отношении которых не действуют обычные моральные принципы и нормы.

Прожив в Советском Союзе более полувека, я видел в нём много хорошего. Видел и плохое. Первое всегда ценил и поддерживал, второе осуждал, и не только на кухонных посиделках. Надо же

было делать что-то реальное для исправления и улучшения положения. Родители воевали, защищали страну, возрождали её после военной разрухи. Я был просто обязан продолжить эту линию. Горжусь, что мне довелось участвовать в таких крупных национальных проектах, как освоение целинных земель, создание научного центра в Сибири. И таких, как я, было немало. Диссидентская же фронда жила собственной жизнью, далекой от реалий жизни страны.

Безусловно, в любом нормальном государстве должна существовать оппозиция. Всегда нужна некая «разность потенциалов», ибо без нее начинаются процессы стагнации. Но тут возникает вопрос, мучивший еще Герцена: «Где границы патриотизма?» Нельзя же любовь к Родине распространять на любое ее правительство. Беда в том, что большинство наших диссидентов оппонировали не только правительству, к которому всегда имеются какие-то претензии, а фактически всей стране.

Какие же претензии диссиденты предъявляли советскому государству? Прежде всего, они прочно оседлали острую и ещё кровоточащую тему массовых репрессий. В данной проблеме остаётся ещё много неясного, и она требует глубокого и вдумчивого исследования.

Вместо этого вокруг неё с самого начала устроили истерию, всячески преувеличивая число по-

страдавших. Бывший начальник отдела дезинформации британской разведки Роберт Конквест в 1969 году издал книгу «Большой террор», в которой заявил о якобы многих миллионах погибших в ходе политических репрессий в СССР. Книга пошла гулять по свету и была подхвачена нашими диссидентами.

Только в 1992 г. были опубликованы официальные данные о результатах деятельности комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Комиссия, работавшая под руководством небезызвестного А.Н. Яковлева, установила, что по политическим мотивам было осуждено 3778234 советских граждан, в том числе 786096 из них были приговорили к высшей мере наказания. От общей численности населения это, соответственно: 1,9% и 0,41%.

Но кому-то такие факты показались не особенно впечатляющими. Игру в цифры начал ещё Хрущев. Он неоднократно заявлял, что в марте 1953 года в лагерях находились около 10 миллионов человек, хотя в докладной МВД на его имя приведены совсем другие данные - 2468524, причём 79% из них были осужденными по уголовным, а не политическим статьям. Но вакханалия преувеличений остановить было уже нельзя: «20 млн., 40 млн., 60 млн. расстрелянных...»

Конечно, даже одну загубленную жизнь нельзя ничем оправдать. Речь идет о другом – о реа-

лизме цифр и иных фактов, характеризующих сталинские репрессии. Так, до 1917 г. в Российской империи (а она тогда включала в себя и Польшу с Финляндией) проживало около 170 млн. На апрель 1956 г. общая численность населения СССР составляла 200,2 млн. человек. Если 60 миллионов взрослых людей были расстреляны, то кто же тогда воевал, работал на заводах и в колхозах, выводил страну из послевоенного лихолетья? Когда приходилось указывать на подобные нестыковки, то оппоненты отвечали: «ваши семьи не пострадали во время репрессий, а у тех, кто страдал, своя мера рациональности». Психологически и это понятно, но речь-то идет о научном подходе к анализу массовых репрессий.

Резкое неприятие диссидентов вызывала, так называемая, “уравниловка”, то есть нарушение меры труда и вознаграждения. Чтобы содержательно обсуждать данный вопрос надо напомнить, что советская система жизнеустройства сложилась под влиянием исторических традиций и конкретных обстоятельств. В бюджете каждой семьи действительно имела некоторая уравнительная составляющая. Все граждане СССР получали на равной основе свои дивиденды с общенародной собственности в виде бесплатного жилья, образования и медицины, низких цен на товары повседневного спроса, коммунальные услуги.

Дальше уже всё зависело от личных усилий, трудолюбия и таланта человека. Здоровый мужчина мог без проблем на шахте или на рыболовецком траулере заработать 600-700 рублей в месяц. По тем временам - большие деньги.

Но и в самой Москве повсюду висели объявления о том, что требуются водители автобусов, машинисты метро с окладом 400-500 рублей. Однако миллионы здоровых мужчин предпочитали сидеть в разного рода конторах и работать за 120-150 руб. в месяц. Рабочий день у них проходил, преимущественно, в курилках, где они с апломбом обсуждали “мировые проблемы”. Подобных «работников», к сожалению, оказалось в избытке и на Съезде народных депутатов СССР. Помнится, что своей политической трескотнёй они вывели из себя директора часового завода депутата Сомова. Он предложил некоторым из них стать начальниками его цехов с очень высокими окладами. В ответ слышались вопли, что Сомов – «последователь Мао-Цзэдуна» и якобы хочет интеллектуальную элиту послать на перевоспитание в провинцию.

Уравниловкой в своё время много возмущалась певица Галина Вишневская. Но разве она, народная артистка Советского Союза, жила так, как жили рядовые артисты провинциальных театров? Сама же она откровенно поведала в своей книге, что как только ей присвоили это высокое звание, то сразу пригласили в Кремлёвскую больницу на

профилактическое обследование. Словом, посыпались различные бонусы.

Конечно, советский человек, только что выбравшийся из войны и послевоенной разрухи, не мог платить за концерты Вишневской столько, сколько платил певцам её уровня благополучный западный обыватель. Советское правительство дополняло формы материального стимулирования (просторные благоустроенные квартиры, поездки за рубеж и т.д.) моральными. Выдающиеся деятели культуры награждались орденами и медалями, им присваивали почётные звания, их избирали в высшие органы власти.

К концу 70-х годов прошлого века в СССР обострилась проблема дефицита товаров. Диссиденты истолковали данный факт как свидетельство полной некомпетентности советской власти. На самом деле всё обстояло не так просто. Дело в том, что в СССР цены на товары первой необходимости всегда оставались низкими. Неудивительно, что в магазинах с мясом по государственной цене 2 рубля за кг были перебои. Дошло дело и до талонов. Исключение составляли столичные города, и, прежде всего, Москва. Поездки в Москву за колбасой у всех стали притчей во языцех. Но, если у вас имелись деньги, вы могли пойти на колхозный рынок и купить там отборное паровое мясо по цене 5 рублей за кг. Но таких денег у большинства советских граждан не было.

Вспомним: Ельцин с Гайдаром отпустили цены, и покупательная способность населения мгновенно упала. И теперь на прилавках магазинов красуются нераспроданные товары. Кстати, в СССР нормативные запасы товаров были достаточны для 80 дней бесперебойной торговли, до чего не дотягивает современная экономика.

Но сегодня самое большое беспокойство вызывает дефицит здоровья населения: дефицитом белков, витаминов, йода и т.п. С проблемой здоровья молодёжи столкнулись военкоматы.

Не так часто, но на кухонных посиделках обсуждался и осуждался факт продажи советским правительством в 1928-1933 гг. художественных ценностей за рубеж. При этом умалчивалось, какое количество этих ценностей было вывезено эмигрантами за границу и там в буквальном смысле промотано. Обо всём об этом можно прочесть в книге независимого западного эксперта Р. Уильямса “Русское искусство и американские деньги: 1900-1940”.

Вопрос в том, для чего продавались предметы искусства? Князь Ф.Юсупов их продавал, чтобы расплатиться со своими многочисленными долгами, а советское правительство - чтобы закупить машины и станки. В условиях надвигающейся военной угрозы требовалось провести форсированную индустриализацию, иначе исход Великой

Отечественной войны мог оказаться совсем другим.

Ещё одна тема диссидентских разговоров - интеллектуальный переворот, который будто бы произошёл в 1917 году. По мнению диссидентов, заключался он в том, что дети рабочих и крестьян получили преимущественное право зачисления в вузы, тогда как дети дворян и духовенства стали жить в темноте и нищете. Часто вспоминались слова Ленина: "у нас кухарка будет управлять государством". Но там, где ставили точку, у автора этого утверждения стояла запятая с очень важным добавлением - "если она научиться управлять".

"Кухаркины дети" действительно с увлечением учились, и за счёт них значительно расширилась интеллектуальная база страны. В связи с этим, невольно возникает вопрос: а разве Горбачев, Ельцин и иные «президенты» – не «кухаркины дети»?

Но и талантливым потомкам бывших привилегированных классов российского общества дорога к знаниям осталась открытой. К примеру, академики М.А.Лаврентьев и М.В. Келдыш были из дворян. Кстати, от самих потомков дворянства и духовенства я, например, никогда жалоб на трудную жизнь не слышал. Мне вообще кажется, что диссидентствующий потомок дворянства - это нонсенс.

Приведу реальный факт из повседневной жизни. Познакомился я в центральной музыкальной школе при Нижегородской консерватории с одним сверстником. Мой педагог по классу композиции и фортепьяно сказал: «Я думаю, тебе стоит поближе познакомиться, а если получится, то и подружиться с Кириллом Всеволожским. Он из дворян, у него глубокие русские корни».

Что интересно - в диссидентских разговорах Кирилл никогда не участвовал. Вспоминается такой случай. Уже на исходе горбачевской перестройки у нас в группе возник обычный в те годы спор между «красными» и «белыми». Кирилл, как обычно, отмалчивался. Когда дискуссия закончилась, мы остались с ним в комнате и углубились в прерванные занятия. Неожиданно Кирилл резко захлопнул книгу и сказал: «Гадёныши! Всё получили от советской власти, а теперь о ней доброго слова сказать не хотят».

Особо нужно сказать о том, как повели себя диссиденты во время чехословацкого кризиса. Жизнь сложна и многогранна, и обычно у каждой из стран свои цели и ценности, своё виденье истории и её уроков, короче говоря, «своя правда». Столкновение разных правд всегда трагично. Единственный выход из такой ситуации, - попытаться вычленив в позиции оппонента рациональное зерно, найти пути к взаимопониманию. К

сожалению, диссиденты же не хотят видеть «правды» своей страны.

Один из демонстрантов, протестовавших на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию Вадим Делоне, так прямо и написал:

Я бросил вызов Родине моей
Когда ее войска пошли на Прагу.

Я помню этого юношу с печальными глазами. Он был внуком известного советского математика Б.Н.Делоне. Дед счел за благо отправить Вадима подальше от Москвы в Новосибирский Академгородок, где я в то время жил и работал. Вадим квартировал в коттедже ученика Б.Н.Делоне академика А.Д. Александрова. Там постоянно собиралась либерально настроенная публика, морально и материально поддерживавшая отечественных диссидентов.

В их среде стало даже модным болеть за чехословацкий хоккей и желать поражения нашей хоккейной команде. Предполагалось, что Вадим продолжит свое образование в Новосибирском университете. Этот базовый университет Сибирского отделения Академии наук считается одним из лучших в мире. Но учиться юноша не захотел. Он вскоре эмигрировал из СССР и умер в Париже.

Как уже отмечалось, диссиденты составляли в СССР ничтожный процент населения. На пер-

вый взгляд никакой погоды в обществе они не делали. Но ещё в Библии показана роль «закваски», активного фермента, развивающегося в недрах какой-либо системы. Под его воздействием она может быстро измениться до неузнаваемости.

К сожалению, в борьбе с диссидентствующей интеллигенцией руководство страны сделало ставку на репрессивные методы, хотя они и не были столь жестокими и масштабными, как при Сталине. Все-таки времена на дворе были уже другие. Так, генерал КГБ Филипп Бобков подготовил несколько записок в ЦК КПСС, в которых обосновывал целесообразность прямой дискуссии с оппонентами советского строя. В ту пору наша общественность переваривала «Август четырнадцатого» А.И. Солженицына. Бобков считал, что с писателями лучше и эффективнее бороться словом, и он решил пустить «встречный пал» в виде альтернативной книги на ту же самую тему.

Нужное для этих целей произведение подсказал квалифицированный историк Н.Н. Яковлев. Тогда на Западе большой популярностью пользовалась книга Барбары Такман «Августовские пушки» о начальном периоде Первой мировой войны. Написанная вдумчивым исследователем, она отражала все достижения современной историографии и выгодно отличалась от тяжеловесного по форме и легковесного по содержанию труда Сол-

женицына. Книгу Такман напечатали большим тиражом в издательстве «Молодая гвардия».

На фоне работы западного автора анахронизм и тенденциозность солженицынских суждений стали очевидны не только специалистам, но и широкой публике. В результате его «Красное колесо» «закатилось» неизвестно куда. В идейно-пропагандистской борьбе это был первый удачный опыт, как теперь говорят, в стиле “public relations” К сожалению, продолжения не последовало.

В наше время, задним числом, к диссидентам пытаются отнести даже весьма экзотические группы населения. Так, исполнительница главной роли в фильме «Интердевочка» Елена Яковлева писала: «Проституция часто была для девочек формой протеста против демагогии и несправедливости, с которой они сталкивались в жизни». По этому поводу С.Г.Кара-Мурза иронизировал: «Проституция как форма протеста, Bravo деятели культуры!».

Не разделяя диссидентские идеи в целом, не могу не отдать дань уважения некоторым его представителям. Среди них встречались незаурядные личности. Взять хотя бы выдающегося философа Александра Зиновьева, который начинал диссидентом, а закончил свою жизнь коммунистом-романтиком.

Тем не менее, находясь на единой антисоветской платформе, диссиденты зачастую с разных

позиций подвергали атаке тогдашнее государство. Солженицын говорил даже о «встречном бое двумя колоннами».

Если Сахаров осуждал СССР за русский империализм, то Шафаревич осуждал его за русофобию. В итоге, как сказал Зиновьев, «метили в коммунизм, а попали в Россию». Вообще же столкновение прозападных и национально-патриотических направлений является константой русской истории. О «западниках» и «славянофилах» второй половины XX века есть смысл поговорить особо.

5. «Западники»

Россия и Запад всегда являлись своеобразными условными кодами, значение которых выходило за рамки исходных понятий. В основе прозападного диссидентского течения лежит философия, которая придаёт универсальный, всеобъемлющий характер западной цивилизации, считает её единственно «правильной» и годной для всех стран и народов. Лично я не понимаю интеллектуалов, которые многие годы спустя после Н.Я.Данилевского ищут пути обустройства России в Америке и Европе, желающих привить к российскому дичку розу западной демократии.

Конечно, западная цивилизация отнюдь не монолитна. Так, в ней традиционно выделяют германскую и романскую составляющие. Поэтому западники обычно ориентировались на некую страну-идеал с наилучшим государственным устройством.

В России в разное время идеалом считались то Франция, то Англия, то Германия. В наши дни место страны-идеала прочно заняли Соединённые Штаты Америки. Часть нашей интеллигенции, десятилетиями воспитывавшейся на разных «голосах», перешла на позиции радикального американизма, отказав в праве существования российской цивилизации как уникальной структурной единице. Один из лидеров этой группы отечественной

интеллигенции в телеграмме Президенту США Джимми Картеру выражал уверенность, что «исполненная мужества и решимости, первая страна Запада с честью понесёт бремя, возложенное на её граждан и руководителей историей».

Восприняв модные словечки западного новояза (свобода слова, права человека, открытое общество и т.п.), «западники» одновременно отвергали такие базовые понятия как национальные интересы, национальное достоинство, считая их атрибутами коммунистической пропаганды. От западников XIX в. (А.И.Герцена, Н.П.Огарёва, Т.Н. Грановского, К.Д. Кавелина) их отличал воинствующий антипатриотизм и презрение к своей стране. Выражаясь словами известного в прошлом философа Владимира Эрна, “к Западу они повёрнуты Маниловыми, а к России - бесцеремонными Собакевичами”.

Так, физик-диссидент Ю.Орлов в своей книге “Опасные мысли” издевательски заявлял, что у него есть любовь к Родине, но “с долей отвращения”. А вот как откровенничал уже в постсоветское время преуспевающий пианист Николай Петров: “Мне нравилось ощущать себя эдаким гражданином мира, для которого качество рояля и реакция зрителей на твою игру куда важнее пресловутых берёзок” (Независимая газета, 1993,13 июля).

Доходило до того, что на Съездах народных депутатов депутаты-западники демонстративно отказывались вставать при исполнении Гимна Советского Союза. В связи с этим вспоминается один характерный случай. По-моему, в 1984 г. в Москву с авторским концертом приехал выдающийся английский композитор Бенджамин Бриттен. Поскольку его концерт открывал Дни культуры Великобритании в СССР, перед началом полагалось исполнить гимны двух стран. Репетиция началась с советского гимна. Маэстро был очень строг. Ему всё время что-то не нравилось. То валторны звучали не так, как надо, то виолончели запаздывали со вступлением. Всё это время наши журналисты сидели и откровенно скучали.

Но вот зазвучал британский гимн. Присутствующие на репетиции англичане мгновенно встали, вытянулись в струнку и подняли за собой весь зал. Вот у кого надо бы поучиться патриотизму нашим западникам.

Но куда там! Многих либералов отличает откровенная русофобия. Для них сказать слово “русский” так же невозможно, как для гоголевского чёрта сказать слово “Бог”. Поливать грязью Россию считается признаком хорошего тона. Компания по обличению “тысячелетней рабы” была мощно и разнообразно оркестрована. Запад в условиях холодной войны извлекал из этого большую политическую выгоду.

Головной болью советского руководства был также «еврокоммунизм». Дело в том, что к 60-м годам XX века от былого единства международного коммунистического движения не осталось и следа. Крупнейшие европейские компартии - Франции, Италии, Испании, сохраняя в целом верность марксизму, отмежевались от его крайней формы - ленинизма. Они всё больше склонялись к социал-демократии и отказались от принципов пролетарского интернационализма, диктатуры пролетариата и других базовых понятий. В их программах стали появляться идеологемы западного либерализма.

К «западникам» примыкала группа детей и внуков репрессированных высших партийных и государственных чиновников (П.Якир, А. Антонов-Овсеенко, Ю.Бухарин-Ларин, В.Аксёнов, Б. Окуджава и другие). Они хотели получить свою долю «революционного наследия», и им шли навстречу. «Политиздат» учредил специальную серию «Пламенные революционеры». Они получали высокие гонорары в Советском Союзе за свои произведения. И вдруг... резкая «смена вех».

Молодёжь в целом приобщалась к западным ценностям в основном через зарубежную моду и поп-культуру. Особенно быстро этот процесс пошёл после Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 году. В крупных городах появились молодые люди, одетые в пиджа-

ки на два размера больше и брюки на четыре размера меньше, носившие галстуки немислимых расцветок. В народе, как известно, их называли стилигами.

В своем стремлении немедленно попасть в западный «рай», некоторые из них доходили до преступных действий. Так, студент нашего Новосибирского университета Кравцов во время авиарейса Новосибирск-Москва передал командиру авиалайнера записку с требованием направить самолёт в Латинскую Америку. Под запиской стояла подпись «Бесамэ Муча» (взятая из названия известной латиноамериканской песни). Террориста арестовали и по решению суда направили на принудительное лечение.

«Западническое» диссидентство может принимать самые разные формы. Так, академика А.Д.Сахарова называли подлинным «гражданином мира», *homo globalis*. В своей книге “Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”, содержащей по его собственному признанию компиляцию либеральных, гуманистических и наукократических идей, он прямо ставит вопрос о мировом правительстве. По расчётам академика такое правительство следовало ожидать не позднее 1984 года.

Когда в 1988 г. ему указали на ошибку в прогнозе, он ответил: “Это не я ошибся, это ошиблась история”. Его реплики на съездах народных депу-

татов многих повергали в шок. Если ему указывали на нарушение регламента, он отвечал: “У меня мандат, превышающий полномочия съезда”. Однако он в своих “Размышлениях“ неоднократно делал реверансы в сторону социализма: ”Доказана жизнеспособность социалистического пути, который принёс народу огромные материальные, культурные и социальные достижения, как никакой другой строй возвеличил нравственное значение труда” (См. Вопросы философии, 1990, №2, с.19) Или вот ещё: ”Мы приходим к нашему основному выводу о нравственном, морально-этическом характере преимуществ социалистического пути развития человеческого общества” (Там же, с.21).

Однако со временем он полностью перешёл на антисоциалистическую платформу и стал требовать введения частной собственности, разрешения купли-продажи земли и т. п. Кабинетный ученый, оторванный от жизни человек, он был бесконечно далёк от проблем, волнующих простых людей. Так называемая “Конституция Сахарова” – это типичный утопический проект. И вот что ещё характерно: Сахаров говорит о чём угодно (об угрозе термоядерной войны, о голоде, расизме и т.п.), но только не о России, не об её историческом и духовном опыте. В этой связи, нельзя не согласиться со словами А.И. Солженицына: “Развиваясь душевно и выстраивая всечеловеческие проекты, Сахаров, конечно, выполняет свой долг перед

демократическом движении,...перед Западом, но не перед смертельно больной Россией”.

Кстати, о правах человека. Понятие это очень широкое. Ещё Андрей Курбский в переписке с Иваном Грозным отстаивал вольности аристократии и право “свободного естества человеческого”. Брежнев с трибуны партийного съезда заявил, что первейшим правом человека является право на жизнь. Хоругвь прав человека поднял и академик Сахаров. Но говорил он больше не о праве на жизнь, а о праве на эмиграцию, о праве нации на самоопределение вплоть до отделения и т.п. Отвечая на вопрос, получают ли право на выход из единого государства малые народы, численность которых не превышает несколько тысяч человек, академик ответил: “У всех должны быть равные права, независимо от численности”.

Сахаров и его единомышленники считали и царскую Россию, и Советский Союз тюрьмой народов и активно разыгрывали националистическую карту. В основу разработанного демократами Проекта нового союзного договора лежала сахаровская идея создания на территории СССР 53-х независимых государств.

О политических и государственных идеях Сахарова сегодня предпочитают не вспоминать в виду их полной несостоятельности. Так второй пункт его “Декрета о власти” гласит: “Принятие законов СССР является исключительным правом

депутатов СССР. На территории Союзной республики законы СССР приобретают юридическую силу после утверждения высшим законодательным органом республики”. Но правом утверждения, как известно, пользуется высшая инстанция по отношению к низшей и никак не наоборот. Если союзные республики получают право утверждать законы СССР, то значит его уже нет. Это понятно каждому здравомыслящему человеку.

Особая глава в жизни Сахарова - годы ссылки в Горьком (ныне - Нижний Новгород), в Щербинках – теперь новом микрорайоне. Во времена моего детства здесь располагался учебный аэродром, и мы, мальчишки, часами крутились возле него, наблюдая за тем, что там происходит. Инструктор поднимал руку и командовал: «Внимание контакт!» «Есть контакт!» - отвечал пилот, и крылатая машина взмывала в небо. В 1980 г., благодаря Сахарову, Щербинки опять стали популярны.

Сахарова можно было также увидеть на концертах местного симфонического оркестра. В память об этом Нижегородская филармония теперь регулярно проводит музыкальные фестивали имени Сахарова «Русское искусство и мир».

Коллеги по Физическому институту Академии Наук старались поддерживать академика в профессиональной форме. К нему, в Горький, регулярно выезжали сотрудники института, чтобы проинформировать о последних новостях науки. К

сожалению, наука его уже мало интересовала. Он старался использовать прибывших товарищей в качестве курьеров в своей нелегальной работе, подвергая их большой опасности. Вот что писал по данному поводу лауреат Нобелевской премии академик В.Л.Гинзбург: «При всех заслугах Сахарова я не признаю его морального права распоряжаться судьбами других людей из-за фанатической преданности своей жене или даже общих целей правозащитной борьбы» (См. Гинзбург В.Л. О феномене Сахарова //Свободная мысль, 1992, №2, с.102).

Всматриваясь в историю отечественного диссидентства, невольно приходишь к мысли, что наши диссиденты объективно наносили определенный вред своей стране. И этот факт никак не вяжется с практикой западных стран. Так, в США существует негласное правило - никто и ничто не должно ослаблять позиции Америки на международной арене. Поэтому, каких бы взглядов ни придерживались американские политики и журналисты, находясь за рубежом, они никогда не допускают антиамериканских демаршей. Как видим, Сахаров же действовал прямо противоположным образом, что не раз вызывало недоумение даже американской прессы. Так, в интервью «Ассошиэйтед Пресс» академик говорил: «Западный мир несёт на себе огромную ответственность в противостоянии тоталитарному миру социалистических

стран». В 1975 году он призывал «давить на СССР, ограничивать его в импорте продовольствия, давить в политике цен» (См. Новое дело, 2001, 25-31 мая, с.6). Неужели он не понимал, что это могло катастрофически сказаться на жизни многомиллионных масс простых советских людей?

6. «Славянофилы»

До сих пор речь шла о диссидентах-космополитах. Но и у национально-ориентированной части общества имелись свои претензии к властям, и прежде всего по русскому вопросу. Конечно, на русских с формальной точки зрения в период «застоя» не было гонений, и в этом смысле они должны были чувствовать себя вполне комфортно. Их представители работали в центральных органах страны, русский язык считался языком межнационального общения. Но при всём при том, власти как огня боялись русского национализма. Этому слову в СССР придавался сугубо негативный смысл, хотя авторитетная «Британская энциклопедия» констатирует: «национализм — это верность и приверженность к нации или стране, когда национальные интересы ставятся выше личных и групповых интересов».

Русские, при всех реверансах в их адрес, оказались в худшем положении по сравнению с другими народами СССР, имевшими многочисленные моральные и материальные бонусы и преференции. Положение осложнялось тем, что в высших органах партии и государства появились люди, исповедующие русофобскую идеологию.

В 1971 г. заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС становится А.Н. Яковлев, будущий «архитектор перестройки» и развала Со-

ветского Союза. К этому времени он успел познакомиться в США, в Колумбийском университете, защитить докторскую диссертацию и стать членом-корреспондентом АН СССР. Словом, времени зря человек не терял. В ноябре 1972 г. в «Литературной газете» появилась его статья «Против антиисторизма».

Написанная с откровенно русофобских позиций, она вызвала бурю негодования в среде национально-ориентированной интеллигенции. Напор писательской общественности и лично М.А. Шолохова оказался столь велик, что Брежнев даже обронил фразу: «Этот долбан хочет меня поссорить с прослойкой». Для тех, кто не знает или забыл, напомним, что в СССР прослойкой между рабочим классом и крестьянством считалась интеллигенция.

Автора одиозной статьи сочли тогда за благо отправить послом в Канаду. С приходом к власти Горбачёва Яковлев возвращается в Москву и становится секретарём ЦК КПСС по идеологии, после чего процесс развала Советского Союза вступил в решающую фазу.

Разумеется, все сколько-нибудь мыслящие люди не могли не видеть надвигающейся катастрофы. Очаги национального сопротивления начали возникать ещё в середине 50-х годов прошлого века. Первоначально они существовали в форме небольших кружков единомышленников, соби-

равшихся на частных квартирах. Но в 1962 г. по инициативе художника И.С. Глазунова и архитектора-реставратора П.Д. Барановского возник клуб любителей памятников истории и культуры «Родина». Он в известном смысле узаконил процессы возрождения русского самосознания и сыграл значительную роль в пропаганде культурного отечественного и исторического наследия. В 60-х годах центрами духовного возрождения становятся журналы «Наш современник» и «Молодая гвардия».

Ключевое значение для консолидации патриотического движения имело создание в 1966 г. Всероссийского Общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). При нём образовалась секция, получившая негласное наименование «Русский клуб». Здесь обсуждались самые животрепещущие вопросы русской духовности. Против разрушения духовного и культурного пространства России решительно выступили видные представители «русской партии»: писатели Валентин Распутин и Василий Белов; композиторы Георгий Свиридов и Валерий Гаврилин; художник Илья Глазунов и скульптор Вячеслав Клыков. Они прекрасно понимали, что грань, отделяющая уничтожение культурного наследия народа от его физического уничтожения, весьма тонка.

Представители научно-технической интеллигенции обычно менее склонны к обсуждению корневых мировоззренческих проблем. Однако и они

не остались в стороне. Так, в Математическом институте АН СССР имени В.А. Стеклова стихийно возник семинар, на котором обсуждались проблемы национального развития России. Ключевыми фигурами в нём являлись академики И.М. Виноградов (директор института), В.С.Владимиров, Л.С.Понтрягин и И.Р.Шафаревич. Во многом благодаря их усилиям на пост Президента АН СССР был выдвинут выдающийся математик и организатор советской науки Г.И.Марчук.

Но мне здесь хочется рассказать об истории, которая произошла далеко от Москвы - в Институте математики Сибирского Отделения АН СССР. Газета «Наука Сибири» 17 февраля 1983 года опубликовала статью моего товарища по аспирантуре профессора Ю.И.Мерзлякова «Право на Память». В ту пору математическая общественность была взбудоражена скандальным провалом реформы математического образования. Сама по себе необходимость модернизации курса математики с целью приближения его к современному уровню развития математической науки ни у кого не вызывала сомнения. Однако авторы новых программ пошли по пути их неоправданного переусложнения, совершенно не согласующегося с познавательными возможностями учащихся. Педагоги, родители сами дети приходили от этого просто в ужас. В популярной тогда песни бедный школьник горько жаловался:

Нам учитель задаёт
С иксами задачи.
Кандидат наук и тот
Над задачей плачет.

Принцип научности обучения пришёл в явное противоречие с принципом доступности, что повлекло за собой много издержек. При этом не были учтены ошибки и просчёты аналогичных реформ в развитых странах, где математические курсы излагались с позиций формального аксиоматического метода и объективно способствовали социальной селекции обучаемых. Ведь ясно, что трудные для понимания разделы математики, физики и других наук наиболее сложны для учеников из социально незащищённых слоёв населения.

Реформа проводилась под руководством крупного математика, но отнюдь не блестящего педагога академика А.Н.Колмогорова. В то время это был уже еле ходивший старик, но за его спиной постоянно мелькали разные сомнительные личности.

Однако в своей статье Ю.И.Мерзляков вышел далеко за рамки данной узкой темы. В ней поднимаются проблемы воспитания патриотизма, морального климата в научной среде, нравственной чистоты учёного. Собственно говоря, они всегда были в центре внимания передовой научной общественности. Создатель неевклидовой геометрии

ректор Казанского университета Н.И.Лобачевский стремился увлечь своих студентов идеалом учёного-патриота, который «высокими познаниями составляет честь и славу своего Отечества». К сожалению, добиться этого повсеместно не удалось. «Так ли уж мало у нас отщепенцев, начисто лишенных чувства Родины?», - ставил вопрос новосибирский профессор. Увы, таких «внутренних эмигрантов», не испытывающих никакой благодарности к стране, которая их вырастила и дала образование, в России всегда имелось немало.

Ю.И.Мерзлякова беспокоили процессы коррозии, разъедавшие определённые слои нашей интеллигенции. Среди сотрудников Института математики, где мы работали, имели место случаи взяточничества и моральной распущенности. В отдельных коллективах процветали рвачество и карьеризм. В науке оказалось слишком много лиц, растративших свои гражданские качества, озабоченных лишь собственным благополучием.

Вот против них и выступил профессор Ю.И. Мерзляков. Его статья вызвала оживлённую дискуссию в широких кругах общественности. Тёплые, благожелательные отзывы на статью поступили от писателей Л.М.Леонова и В.И.Белова, академика Академии медицинских наук Ф.Г.Углова.

Убедительно и аргументировано Ю.И. Мерзлякова поддержали в своём письме в газету «Наука в Сибири» декан механико-математического

факультета академик М.М. Лаврентьев и секретарь партбюро Д.А.Захаров.

Но те, против кого была направлена статья, «сорганизовались» и обрушились на автора со злобными нападками. Академик А.Д.Александров в своём сумбурном, взвинченном письме в редакцию газеты «Наука в Сибири» запелляционно заявил: «Что касается духовности, которую провозглашает Ю. Мерзляков, то духовность бывает разная, например, религиозная. Подлинно советского учёного характеризует не некая неопределённая духовность, а коммунистическая идейность». И вывод: «Никаких следов классовых, социалистических точек зрения в статье Ю. Мерзлякова нет. И, если взять всерьёз выражаемую им позицию с её озлоблением и очернительством, то мы узнаём в ней тот дух озлобленного мелкого буржуа, который питал фашизм».

Что тут скажешь - демагогия партийных чиновников в её худшей форме. «Выводы» в 1983 году последовали незамедлительно. Отделение математики АН СССР осудило статью Мерзлякова, Президиум Сибирского Отделения АН СССР строго указал редактору газеты «Наука в Сибири» Ю.А.Ворончихину на серьёзные упущения в работе. Профессор Мерзляков подвергся публичной травле. Его явочным порядком исключили из редколлегий ряда математических журналов, а также

не дали выступить с докладом на Международном математическом Конгрессе.

Но уже ближайшие годы показали, что тревоги Мерзлякова были не напрасны. Советская власть, опираясь на национально-патриотическую интеллигенцию, могла многое сделать для устранения сложившихся в обществе перекосов и сохранения СССР как могучего единого государства. Нужны были добрая воля обеих сторон и желание идти друг другу навстречу.

7. «Пророк»

А.И Солженицын известен во всём мире своим призывом «Жить не по лжи». Однако коллеги не раз уличали его в том, что сам он далеко не всегда следовал данному принципу. В частности, Владимир Максимов в большой статье «История одной капитуляции», опубликованной 28 декабря 1994 г. в «Правде», приводит целый ряд фактов, говорящих о личной небезупречности Солженицына. Напомним некоторые из них.

Писатель много раз говорил, что он происходит из семьи православных крестьян. Однако выяснилось, что дед Солженицына по линии матери являлся хозяином богатейшей на Кубани экономики.

Далее. Солженицын писал: «Всю войну, не уходя с передовой, провоевал командиром батареи». Но оказалось, что на фронт он попал в мае 1943 года и первых самых страшных лет войны не видел.

В 1945 году, т.е. в самом конце войны, Солженицына арестовали за то, что в переписке с другом детства Н.Виткевичем он нелестно отзывался об И.В. Сталине. Верховного Главнокомандующего он критиковал с леворадикальных позиций (за разгон Коминтерна, за «белогвардейщину», то есть за введение погон, похожих на царские).

После освобождения из лагеря Солженицын жил в Рязани, преподавал физику и математику в местной школе. В 1962 году Твардовский с одобрения Хрущёва опубликовал в журнале “Новый мир” рассказ Солженицына “Один день Ивана Денисовича” и тем самым открыл ему путь к широкой известности.

Александр Исаевич был обласкан хрущёвским руководством. На знаменитой встрече с творческой интеллигенцией подвыпивший Хрущёв провозгласил тост “За великого русского писателя Солженицына”. Последний хранил в это время олимпийское спокойствие. Более того, он написал помощнику Генерального Секретаря ЦК КПСС В.С. Лебедеву: “Мне будет больно, если я в чём-либо поступлю не так, как этого требует от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня человек Никита Сергеевич Хрущёв”.

Это не осталось незамеченным. Солженицын был выдвинут на Ленинскую премию и с нетерпением ждал её получения. Ждал премии имени человека, которого он впоследствии охарактеризовал как самого страшного палача в русской истории. Но, как говорится, “не прокатило”.

А вскоре и Хрущёва сместили со всех постов, что позволило вернуться к более взвешенной оценке советского периода. Солженицыну всё это очень не понравилось, и он активизировал свою оппозиционную деятельность [письма Съезду со-

ветских писателей (1967 г.) и Вождем Советского Союза (1973 г.)]. Поведение писателя-диссидента становилось всё более амбициозным и нетерпимым, особенно после присуждения ему в 1970 г. Нобелевской премии.

Не имея доступа к советским архивам, он собирал и распространял часто недостоверные сведения о “красных зверствах”, хотя сам же отмечал, что “лагерный люд весьма охоч до создания легенд”. Эти апокрифы составили основу “Архипелага ГУЛАГ”, который сразу же превратили в священное писание антисоветизма.

В такой ситуации руководство СССР приняло явно неудачное решение о высылке его из страны. Конечно же, это вызвало возмущение либеральной интеллигенции. Рассказывают, что Е.Евтушенко даже позвонил Председателю КГБ Андропову (имел прямой телефон!) и сказал: “Если вышлете Солженицына, я повешусь перед Вашими окнами”. На что Андропов ему будто бы ответил: “Приезжайте, вешайтесь. Мешать не будем. У нас тут липы крепкие”.

В 1974 г. Солженицын выехал в Швейцарию и жил некоторое время в Цюрихе, а с 1976 г. прочно обосновался в США (в Вермонте). Как известно, в основе советской истории у Солженицына лежит примитивная логическая цепочка: Сталин - порождение Ленина, Ленин - порождение Маркса, Маркс - порождение лживой западной демокра-

тии. Однако, оказавшись на Западе, Солженицын прекрасно уживался с этой демократией.

Для порядка он сначала попенял США за безнравственные сделки с Советами (установление дипломатических отношений, участие вместе с ними в антигитлеровской коалиции). Однако очень скоро Запад в его глазах превратился в главного избавителя от советского тоталитаризма. Писатель сам рассказывал, что, оказавшись за рубежом, он часто заходил в церковь и просил: “Господи, просвети меня, как помочь Западу укрепиться”. Находясь за границей, Солженицын с ещё большим ожесточением вел “бой” против своей Родины.

Он любил её, но “странную любовью”, выражаясь его же словами, “через презрение”. Вот, что можно прочесть во втором томе “Архипелага ГУЛАГ”: “Нет на свете нации более презренной, более покинутой, более чуждой и ненужной, чем русская”. Солженицыну было противно советское государство, и в холодной войне он воевал на стороне его геополитических противников. На пресс-конференции в Вашингтоне в 1975 г. Солженицын прямо призывал США: “Вмешивайтесь, прошу вас, вмешивайтесь в дела России” (См. Наш современник, 1998, № 11-12, с.182).

Советский период истории в книгах Солженицына представлен в самых мрачных тонах. Соответственно, наша великая страна воспринима-

лась западными обывателями как сплошная лагерная зона. Савонарола из Вермонта, словно подбирал факты к тезису президента США Р. Рейгана о том, что “СССР есть империя зла”, да ещё гордился, когда тот ссылался на него в своих речах.

С патриотических позиций абсолютно не приемлема позиция Солженицына по отношению к власовской, т.н. «Русской Освободительной Армии» (РОА) : “И хотя историю РОА заплевали, однако она войдёт примечательной страницей в русскую историю” (См. Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века //Россия и современный мир. 1995, № 2, с.128). Зададимся вопросом: а что может быть «примечательного» в предательстве Родины? Таким образом, Солженицын был активным идеологом, сыгравшим немалую роль в поражении СССР в холодной войне.

В известной статье «Как нам обустроить Россию» Александр Исаевич выдвинул идею славянского заединства, в котором почему-то не нашлось места неславянским регионам. Поражает и тот апломб, с которым он выдавал свои «наработки» за некое откровение свыше.

Совсем неслучайно Солженицын сразу поддержал рвавшегося к власти Б.Н. Ельцина. Находясь за границей «пророк» призывал Ельцина разогнать Верховный Совет РСФСР, а в 1993 году одобрил его расстрел, заявив, что нанесён последний удар по коммунизму.

Понятно, что в «демократической» России писатель поначалу стал героем дня. Срочно опубликовали «Архипелаг ГУЛАГ», предварительно вычистив из него наиболее одиозные нелепости.

Также в пожарном порядке удостоили данный труд Государственной премии. Главный редактор журнала «Новый мир» объявил 1990 год годом Солженицына. Тогда каждая строчка, написанная Солженицыным, шла нарасхват.

Однако с возвращением на историческую Родину он не спешил - вернулся только в 1994, приурочив этот акт к двадцатой годовщине своего «изгнания».

В Москву Солженицын ехал через всю страну, неоднократно останавливаясь в пути для встреч и выступлений. По размаху и масштабу эта поездка напоминала кампанию по выборам высшего должностного лица в государстве.

В столице Солженицыну устроили триумфальный приём. В своей программе «Жить не по лжи» он наставлял: «если не в силах делать то, что надо, то хотя бы не делай того, что не надо. Не угодничай перед властью, не принимай от неё взятки ни в какой форме».

Принимать орден из рук Ельцина Солженицын не стал, но зато согласился въехать в роскошное поместье в 4,5 гектара земли в подмосковном Троице-Лыково с правом наследственного пользования.

В России он был избран действительным членом Российской Академии Наук. Солженицын учредил премию своего имени в 25 тысяч американских долларов, выступал с малосодержательной публицистикой. Например, всё, что пророк сказал в своей книге «Россия в обвале» давно уже было очевидно всем здравомыслящим людям.

Вначале у Солженицына была своя еженедельная десятиминутная передача на ОРТ (Общественное Российское Телевиденье), но её быстро сняли. Поклонники «пророка» говорили, что её убрали по политическим причинам. Но сама «десятиминутка» была весьма и весьма скучна. В своём литературном дневнике Солженицын с грустью записал: «Острая мода на меня прошла». Действительно, что проку было в его стенаниях: «Сейчас ничего पहले нет сбережения народа. Мы умираем, мы уходим с земли».

От кого мы это слышали? Ведь вымирание русского народа усилилось после победы тех сил, одним из идеологов которых выступал Солженицын. Писатель-диссидент В.Максимов, в упоминавшейся выше статье «История одной капитуляции», изумлялся: «неужели промолчит, не назовёт в слух главный источник всех наших сегодняшних зол и бед? Неужели удовольствуется жалкой ролью частного конфидента при пьяном самодуре, сознательно и беспощадно изничтожающим нашу общую Родину-Россию? Неужели не выкрикнет в

лицо своему кремлёвскому собеседнику и окружающей его алчной банде, да так, чтобы слышал весь мир то, о чём ещё не смеет или не имеет возможность прокричать сам, вконец измороженный им народ? Не верю! Не хочу верить!». Нет, «пророк» не выкрикнул, не прокричал.

Но пора уже поговорить о Солженицыне непосредственно как о писателе. Известно, что в молодости он задумал роман «Люби революцию», а закончил свой творческий путь десятитомным «Красным колесом», вдвое превышающем по листажу «Войну и мир» Л.Н.Толстого. Автор неоднократно и самонадеянно заявлял, что и «Колесо» и «Архипелаг» выполнены им методом художественного исследования, которое «по своим возможностям и уровню в некоторых отношениях выше научного».

В беседе со студентами-славистами Цюрихского университета писатель объяснил это тем, что его метод обладает «тоннельным эффектом», то есть, позволяет в поисках истины напрямую пронизывать груды источников, опираясь на интуицию (См. Литературная газета», 1992, 22 мая).

Относительно писательского дарования Солженицына мнения разделились. Известный учёный и публицист И.Р. Шафаревич, например, восторженно восклицал: «Как писатель, мыслитель, человек, Солженицын ближе к Илариону Киевскому, Нестору, Аввакуму, чем к каким-нибудь

поздним стилистам – к Чехову или Бунину» (Цит. по кн.: Бушин В.С. Гении и проходимцы. М., 2004, с. 97). «Коротенькая повесть («Один день «Ивана Денисовича» – В.Ч.), – восторженно писал М. Рошчин, – пронзила всю советскую литературу блестящей шпагой, пронзила и отбросила" (Рошчин М. Вызов Солженицына. Российская провинция, 1994, с.110).

Но гипноз от «Одного дня» быстро прошёл даже у многих диссидентов. «Прочитал всего Солженицына, и ничего не перевернулось», - констатировал Г. Владимов. «В его книге много мудрёности, но мало мудрости», - вторит ему Р. Медведев. Статус же «классика мировой литературы» Солженицын получил у либеральной интеллигенции прежде всего потому, что первым «припал» к больной для общества лагерной теме. (Правда, потом стали известны имена и других писателей, разрабатывавших эту же тему: В.Шаламов, Л. Разгон, Е. Гинзбург.)

К тому же ему несказанно повезло. Как писал Г.Владимов, «его, училилишку из Рязани с рюкзаком рукописей, просто скинули бы с поезда как бомжа, если бы Твардовский не дал ему охранную грамоту» (Цит. по: Наш современник, 2005 №1, с.156).

Конечно, нельзя отрицать талант Солженицына как публициста, рассказчика и очеркиста. Мне, например, больше всего понравился рассказ

«Матрёнин двор». Романы же его, по моему мнению, сумбурны, хаотичны, написаны тяжёлым корявым языком, изобилующем разного рода стилистическими «ужимками», а порой просто безграмотны. Человеку, воспитанному на Пушкине, Гоголе, Толстом и Чехове, режут ухо обороты: «Инокентий уступил, что придёт» (В круге первом //Новый мир, 1990 №4, с.32); «Стояло очень тепло» (там же, с.40); «Чистота общественных отношений основной, чем уровень изобилия» (Как нам обустроить Россию. Л., 1990, с.28).

Читателю приходится буквально продираться через этот словесный бурелом. Видимо, чувствуя свою писательскую ущербность, Солженицын пытался оживить свои творения неуёмным словотворчеством, раздражающем вычурностью и ненужностью. На его страницах то и дело мелькают фразы: «тяжче» вместо «тяжелее», «самовидец» вместо «очевидец», «уцеленно» вместо «целенаправленно» и т. п.

Как отмечала Т. Глушкова, «иной раз кажется, что он двинул нашу литературу от «Тихого Дона» куда-то в XVIII и что бесконечный Радищев едет теперь цугом или в поезде а-ля Троцкий из Владивостока в Москву». Любопытно, что в день 85-летия Солженицына Радио “Свобода” преподнесло ему «королевский подарок», назвав лауреата Нобелевской премии по литературе “писателем средней руки” и сравнив его с неизвестным нико-

му Опискиным, который любил повторять: “Россия меня знает”.

Наконец, хочется сказать несколько слов о чисто человеческих качествах Солженицына. Если Достоевского каторга христиански преобразила, то Солженицын вышел из заключения невероятно озлобленным, хотя отбывал большую часть срока в “шарашке”, где её обитатели могли выговаривать официанткам за холодный кофе.

В романе “В круге первом”, например, он почему-то заставляет дворника Спиридона говорить нечто несусветное: “Если бы мне, Глебу, сказали сейчас: вот летит такой самолёт, на нём бомба атомная. Хочешь тебя тут как собаку похоронят под лестницей, семью твою перекроет, и ещё мильён людей – но свалим отца усатого и всё заведение их с корнем... Я бы сказал – он вывернул голову к самолёту: А ну, кидай, ну, кидай ! Рушь!”

Или вот характерный пассаж из “Архипелага”: “Ну и что, если бы победили немцы? Висел портрет с усами, повесили бы с усиками. Ёлку придётся справлять не в Новый год, на Рождество”. В этом же произведении читаем: “Москва начинает лупить салюты... Вечером отхлопали ещё один салют в тридцать залпов... 2 мая в честь взятия Берлина Москва лупила тридцать салютов”.

Поражает отношение Солженицына к коллегам. Всем известна его история отношений с М.А. Шолоховым. После встречи Хрущёва с писателя-

ми он написал Шолохову: “В той обстановке для меня непривычной, когда рядом Никита Сергеевич, я как-то не собрался сказать, как я уважаю и люблю автора бессмертного “Тихого Дона”. Но в книге “Бодался телёнок с дубом” он уже говорит, что с презрением смотрел на Шолохова. Солженицын возмущался, что Нобелевскую премию за лучший роман XX века («Тихий Дон») “сунули” в “палаческие руки”.

Более того, он обвинил своего старшего собрата по писательскому цеху в плагиате. Как известно, рукопись романа долгое время считалась утерянной. Перед войной Шолохов оставил её в Москве у своего друга и земляка Кудашева. В 1941 году тот ушёл воевать в ополчение и погиб. После войны его вдова заявила Шолохову, что в результате многочисленных переездов оригинал рукописи потерялся. На самом деле она его сохраняла в надежде на то, что после смерти писателя сможет выгодно продать бесценный раритет.

Это обстоятельство стало поводом для бесконечных спекуляций, устроенных Солженицыным и его сторонниками. Наконец, после смерти Кудашевой и её дочери в результате сложных перипетий рукопись была обнародована и предъявлена общественности. Все обвинения в плагиате автора пришлось снять. А что же Солженицын? Он даже не посчитал нужным извиниться за нанесённые Шолохову оскорбления.

Да что Шолохов! Стоит послушать, какие уничижительные характеристики он даёт сотрудникам журнала “Новый мир”, открывшим его как писателя. Вот, что пишет он о них в книге “Бодался телёнок с дубом”: “полдюжина новомировских редакционных лбов, гибрид угодливости и трусости”. А вот о своём главном благодетеле А.Т. Твардовском: “Он помогал меня душить”, “Он меня багром помогал утолкать под воду”. В газете итальянских коммунистов “Унита” дочь Твардовского опубликовала открытое письмо к Солженицыну. В нём говорилось: “Призывающий людей “жить не по лжи”, вы с предельным цинизмом рассказываете, как сделали обман правилом в общении не только с теми, кого считали врагами, но и с теми, кто протягивал вам руку помощи, поддерживал вас в трудное время, доверял вам”. Есть и другие, не менее авторитетные высказывания.

8. «Ум, Честь и Совесть Эпохи»

Политические партии – неперенные атрибуты всех современных государств. Многопартийность считается основополагающим принципом демократии. Она предполагает состязательность, создаёт некую «разность потенциалов», страхующую страну от застоя.

Правящая партия должна иметь привлекательную для всего общества идеологию. Пренебрежение к такого рода вопросам, как показывает исторический опыт, чревато самыми серьёзными последствиями. Известно, что царская Россия имела неплохой государственный аппарат с сильной армией и полицией. Однако у неё не было какой-либо внятно разработанной идеологии или, как сейчас говорят, национальной идеи (если не считать идеологему «За веру, царя и отечество»).

Поэтому страна оказалась совершенно беззащитной против подрывной деятельности либеральных партий, спровоцировавших февральскую революцию 1917 года. Нечто подобное произошло и с Советским Союзом, когда коммунистическая идея, долгие годы необходимым образом развиваемая, утратила свою привлекательность, и на историческую авансцену в очередной раз выступили либеральные демократы.

После Октябрьской революции и Гражданской войны в России сложилась политическая си-

туация, когда у власти оказалась одна партия. Здравомыслящие люди не могли не ощущать ненормальности такого типа государства. Похоже, задумывался об этом и Сталин. В 1936 году на Пленуме ЦК ВКП (б) он обронил весьма примечательную фразу: «К счастью или к несчастью, у нас одна партия».

В этой связи любопытны такие факты. В сталинской конституции 1936 года партия упоминается один единственный раз - в 125 статье. Она определяла партию всего лишь как ядро общественных организаций. Да и сам порядковый номер статьи говорит о многом.

После XVII съезда ВКП(б) Сталин фактически упразднил пост Генерального секретаря, оставшись лишь одним из секретарей ЦК, зато в мае 1941 года стал Председателем Совнаркома СССР.

Между XVIII и XIX прошло 13 лет. За всё время войны Пленум ЦК собирался один раз. Тогда вся власть в стране принадлежала Государственному Комитету Обороны, а в послевоенные годы она сосредоточилась в Совете Министров СССР.

На XIX съезде по инициативе Сталина сменилось название партии. Она стала именоваться не Всесоюзной Коммунистической Партией большевиков, а Коммунистической Партией Советского Союза.

Казалось бы, какая разница? Но у Сталина, как известно, в документе просто так не менялась даже запятая. Слово «Всесоюзная» характеризовало лишь территорию деятельности партии, но ничего не говорило об её отношении к государству. Новое же название привязывало партию к нему накрепко.

Существовало Правительство Советского Союза - появилась и Коммунистическая Партия Советского Союза. Подчинив партию государственному аппарату, Сталин по существу сделал то же самое, что и Пётр I, окончательно включивший Православную Церковь в структуру государства.

Но после смерти Сталина Хрущёв, оказавшийся во главе ЦК КПСС, начал обратный процесс, перетягивая властные полномочия в партийный аппарат. После же его отставки процесс этот только усилился. Шестая статья брежневской Конституции 1977 года уже официально закрепила за КПСС руководящую роль в советском обществе. Отныне лозунг «Партия – Ум, Честь и Совесть нашей Эпохи» красовался на фасадах многих городских зданий. В конечном итоге КПСС стала системообразующей конструкцией советского государства.

Партия получила и определенную массовую поддержку, прежде всего, потому, что её программные принципы были укоренены в исторической традиции России, опирались на стереотипы

российского общественного сознания (коллективизм, этатизм, социальное равенство).

КПСС, в определенной степени, удалось собрать под своими знамёнами всех, кто играл сколько-нибудь заметную роль в советском обществе (крупных производственников, учёных, писателей, композиторов, выдающихся спортсменов). У КПСС были, безусловно, и ум (академики М.В. Келдыш, С.П. Королёв, И.В. Курчатов), и честь (маршал К.К. Рокоссовский, генерал Д.М. Карбышев), и совесть (нарком продовольствия А.Д. Цурюпа). Известны и другие, не менее впечатляющие примеры. В повести Солженицына «Один день Ивана Денисовича» под именем кавторанга Бустановского выведен Борис Васильевич Бураковский. Но писатель не счёл нужным рассказать, как этот человек, будучи секретарём подпольной партийной организации, собирал партийные взносы кусочками хлеба и затем распределял их среди больных и ослабленных зэков.

Конечно, к правящей партии всегда стремились присоединиться карьеристы и проходимцы, те, кто рассматривал партийный билет, как пропуск «наверх». Поэтому в КПСС были люди разные по своим интенциям и человеческому потенциалу, как впрочем, и в любой организации.

Не надо забывать, что КПСС фактически всегда состояла из двух частей. Первую составляли коммунисты по убеждению, вторую - те, кого на-

зывали «членами партии». От наиболее одиозных, морально нечистоплотных людей старались, естественно, избавляться. Иных приходилось даже отдавать под суд.

Теперь некоторые из этих «мучеников» почему-то представляют свое, прямо скажем, позорное прошлое, как нравственное противостояние партийной диктатуре, а другие - отсидку за взяточничество и воровство - как наказание за борьбу с тоталитарным режимом.

Кто, к какой из двух обозначенных частей партии принадлежал, стало окончательно ясно сейчас, спустя много лет. Наша семья, например, связана с коммунистической партией почти с момента её основания. Мой прадед Александр Петрович Чарушников занимался книгоиздательской деятельностью и известен тем, что стал первым издателем А.М.Горького, то есть фактически открыл его миру.

Он с юношеских лет принимал участие в революционном движении. Московский обер-полицмейстер Трепов отмечал: «Насколько Чарушников пользовался в среде своих единомышленников известностью, видно из того, что фамилия его обнаружена в записках Германа Лопатина». После ареста этого видного революционера, друга Карла Маркса и первого переводчика на русский язык «Капитала» в России, А.П. Чарушников подвергся обыску. Ничего предосудитель-

ного у него не нашли, но подозрения остались. Тот же Трепов писал, что «Чарушников, затаив в душе своей социалистические идеалы, продолжает и до настоящего времени поддерживать связи с политически неблагонадёжными лицами».

Когда В.И. Ленин после захвата «Искры» меньшевиками задумал создание новой большевистской газеты «Вперёд», он обратился за помощью к Горькому. Тот пообещал переговорить со своим издателем. В одном из писем, опубликованных в 46 томе Полного собрания сочинений Ленина, вождь большевиков спрашивает, состоялась ли встреча Горького с Чарушниковым и какой она имела характер. Бывая в Москве, я всегда посещаю могилу прадеда на Ваганьковском кладбище. Мой дед был членом РСДСП с 1914 года, отец стал коммунистом на фронте.

Окостенение партии в изучаемый период проявлялось в том, что она всё больше превращалась в своеобразную церковь, в которой были свои послушники (рядовые члены) и высшие жрецы (Политбюро ЦК). Как в христианской церкви - сформировалось что-то вроде божественного триединства: Бог-отец (вождь мирового пролетариата и трудящихся всех стран), Бог-сын (очередной Генеральный секретарь) и Бог-святой дух (всепобеждающее марксистско-ленинское учение, которое «всесильно, потому что оно верно»).

Тексты классиков марксизма считались священными. «Коммунистический Манифест» издавался более тысячи раз общим тиражом в 150 миллионов экземпляров и занял третье место после Библии и Корана.

Всё это порождало застой и в теории. Съезды КПСС, как близнецы походили друг на друга. Вместо глубоких разработок косяком шли конъюнктурные статьи патентованных обществоведов. За последние достижения марксизма–ленинизма выдавались выступления генеральных секретарей, написанные неизвестно кем. К тому же, руководство страны катастрофически старело, руководящие кадры не обновлялись.

Авантюризм Хрущева постепенно сменился спесивой самоуспокоенностью. «Ранний» Брежнев был, безусловно, привлекательнее «позднего» Хрущёва. В отличие от своего предшественника он худо-бедно окончил институт и обладал спокойным и доброжелательным характером. Но под конец жизни Леонид Ильич уже тяжело болел и впал в самый настоящий маразм. Генсек плохо и с трудом говорил, временами просто заговаривался и при этом испытывал патологическую страсть к разного рода наградам. Окончив войну генерал-майором, он в мирное время умудрился получить четыре Золотые звезды Героя Советского Союза, орден Победы и звание Маршала. Отметим ещё написанную от его имени трилогию «Малая Зем-

ля», «Возрождение» и «Целина», немедленно удостоенную Ленинской премии.

В апреле 1973 года на Пленуме ЦК КПСС кто-то произнёс, ставшую затем ритуальной, фразу: «И лично Генеральный Секретарь ЦК нашей партии Леонид Ильич Брежнев». С тех пор она неизменно повторялась на партийных собраниях всех уровней. Славословия лились потоком. Такое положение дел, конечно, вызывало недовольство в обществе. Одним из способов его выражения стало появление на ветровых стёклах машин портретов Сталина в форме генералиссимуса.

Скажем ещё несколько слов о положении в партии в последние годы правления Л.И. Брежнева. Формально она считалась партией рабочего класса. Но рабочие, в целом поддерживавшие политику КПСС, вливаться в её ряды особым желанием не горели. Вместе с партийным билетом они приобретали различные обязанности (посещать партийные собрания, платить членские взносы, выполнять различные общественные поручения). Они не понимали для чего это им нужно, если никаких новых перспектив впереди всё равно не предвиделось.

Дело доходило до того, что инженеру говорили: «мы тебя примем в партию, если ты сагитируешь вступить в неё трёх своих рабочих». Чтобы выдержать необходимый процент, к рабочим стали причислять дворников, банщиков, парикмахе-

ров и других представителей сферы обслуживания. Качественный состав партии на глазах менялся не в лучшую сторону. Партийными билетами правдами и неправдами обзаводились сомнительные люди.

Именно поэтому прежде чем подать заявление в партбюро, я советовался со старыми партийцами, очень уважаемыми мной людьми с безупречной репутацией. Мы достаточно откровенно обсуждали положение дел в КПСС и в стране. К тому времени уже были известны многочисленные нарушения законности, имевшие место в прошлом.

Но я и сейчас считаю, что сама коммунистическая идея себя ещё далеко не исчерпала. Когда-то Ленин написал: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Теперь с солидной исторической дистанции, думаю правильнее сказать, что учение Маркса всесильно, потому что оно вечно.

А вечно оно потому, что вечна идея социальной справедливости, особенно дорогая русскому национальному самосознанию. И в этом смысле опыт СССР уникален. Более полного воплощения данной идеи не достигла ни одна страна в мире. Это стало особенно ясно после октябрьского переворота 1993 года, когда значительно понизился жизненный уровень большей части населения России.

Говоря о том времени, нельзя забывать и о выдающихся общественных деятелях, которые никогда не состояли в партии, но играли значительную роль в советском обществе.

В нашей семье всегда большим уважением пользовался академик Б.Д. Греков. Беспартийный историк, он был директором ряда институтов АН СССР, а также руководил кафедрой в Высшей партийной школе при ЦК КПСС, где обучалась вся партийная элита.

Если иметь в виду людей моего профессионального круга (математиков), то и здесь можно найти немало впечатляющих примеров. Так, академик И.М.Виноградов, будучи беспартийным, более полувека возглавлял головной Математический Институт им. В.А.Стеклова и дважды удостоивался звания Героя Социалистического Труда.

Беспартийный академик И.Г. Петровский не только более двадцати лет был ректором Московского государственного университета, но и являлся членом Президиума Верховного Совета СССР.

При рассмотрении его кандидатуры в ЦК КПСС выяснилось, что он беспартийный. Сталин задал вопрос: «Ну, а человек-то он наш, советский?». Секретарь ЦК Маленков, докладывавший «справку-объективку», ответил: «Да, советский». «Тогда всё в порядке», – резюмировал Сталин.

Другое дело, что беспартийные специалисты на высоких постах сталкивались с дополнитель-

ными трудностями. В том же МГУ наряду с ректоратом существовал ещё один центр власти в виде парткома. Создавалась парадоксальная ситуация. Партком на своих заседаниях принимал решения по разным аспектам университетской жизни, а И.Г.Петровский, не будучи членом партии, даже не мог присутствовать при их обсуждении. Чтобы устранить этот нонсенс, ЦК КПСС специальным решением разрешил беспартийному ректору посещать партийные собрания всех уровней, в том числе и закрытые.

С нечто подобным пришлось столкнуться и мне, когда я стал заведующим кафедрой в Горьковском высшем военно-инженерном училище связи. Собственно кандидатом в члены КПСС меня приняли ещё в Новосибирске, но при переезде в Горький я просрочил кандидатский стаж, что уставом КПСС не допускалось. Возможно, на эту деталь закрыли бы глаза. Но в это время началась как раз кампания по обмену партийных документов. 1 марта 1973 г. состоялось её торжественное открытие: Л.И.Брежнев собственноручно подписал партийный билет № 00000001 на имя В.И.Ленина. А на следующий день средства массовой информации сообщили, что билет № 00000002 вручён самому Л.И.Брежневу. Обществу давался явный намёк на преемственность в руководстве страны, идущей ленинским курсом. Как тогда говорили: «от Ильича к Ильичу».

Между прочим, в моей библиотеке хранится биография Ленина 1960-го года издания. В ней имеется фотокопия его партийного билета за №114482, выданного в 1922 г. за подписью секретаря Заельцовского районного комитета партии. Как видим и номер далёк от первого, и выдан билет секретарём райкома.

На фоне кампании по приведению в порядок партийных документов просрочка кандидатского стажа не могла остаться незамеченной. В политотделе училища мне сказали, что всю процедуру приёма надо начинать заново. Естественно, такая перспектива меня не обрадовала. Да и на новом месте нужно было освоиться, разобраться, что к чему. В гражданских вузах студенты-коммунисты составляли исключение. Принимали лишь отдельных комсомольских активистов, а 40% выпускников военных вузов уходили в армию коммунистами. В партию они вступали уже со второго курса.

Случалось так, что ко мне подходили мои же курсанты и сообщали: вчера на партийном собрании про вашу кафедру говорили то-то и то-то. В такой ситуации вопрос о партийной принадлежности решался однозначно...

Но вот наступили новые времена, когда гонимая Нетерпимость снова правила бал. Когда 6 ноября 1991 года мы, несколько десятков человек, собрались в небольшом клубе, чтобы отметить 74-ую годовщину Октябрьской революции, нам в ок-

но бросили булыжник. Вчерашние же старшие лаборанты и младшие научные сотрудники, толкавшиеся прежде по курилкам, стали вдруг грозно требовать отставки руководства АН СССР и МГУ в виду того, что они не выступили активно против «путча».

Впрочем, что говорить о младших научных сотрудниках, когда один из вице-президентов АН, многолетний член ЦК КПСС, потребовал на собрании Академии Наук выяснить имена учёных, печатавших ранее в коммунистических газетах материалы, «интеллектуально связанные с идеями путчистов». В истории российской науки это, вероятно, первый случай, когда академик решил заняться политическим сыском.

По телевизору каждый день показывали, как внезапно прозревшие граждане бросают на землю партбилеты, а один из известных театральных режиссеров даже устроил спектакль с сожжением своего партбилета на глазах у всей страны.

Но в истории были и иные примеры. Известно, что инженер Л.А.Термен считается изобретателем первого электрического музыкального инструмента. В 1921 году свой терменвокс он продемонстрировал В.И.Ленину. На фортепиано ему аккомпанировала секретарь Ленина Л.А.Фотиева, которая окончила Московскую консерваторию по классу фортепиано и была профессиональной

пианисткой. Ленин поддержал молодого изобретателя, помог ему.

В дальнейшем Термен разделил судьбу многих инженеров и учёных, оказавшись в одной из «шарашек». Будучи высококвалифицированным электронщиком, он выполнял важные правительственные задания. Л.П.Берия представил его к Сталинской премии второй степени, а Сталин лично исправил вторую степень на первую.

После освобождения Термен стал работать в лаборатории электромузыкальных инструментов при Московской консерватории и вскоре удивил всех тем, что подал заявление о вступлении в КПСС. Но процесс реабилитации, видимо, до конца не довели, из-за чего в его анкете остался какой-то дефект. Поэтому Термену несколько раз отказывали в приёме.

В партию его приняли только... в 1991 году. Естественно, что этот шаг поверг всех в изумление. «Зачем?» - спросили его. «Вам уже 95 лет, и к тому же, посмотрите, что творится кругом. Все бегут, а Вы вступаете». «Я должен стать коммунистом, - ответил Термен. - Я обещал это Ленину».

9. «Эпоха развитого социализма»: Pro et contra.

Об эпохе «развитого социализма» можно сказать много разного: и позитивного, и негативного. Главное, думается в том, что этот период отмечен социальной стабильностью и отсутствием потрясений в жизни государства. Согласно энциклопедии “Британика” именно во время так называемого «застоя» СССР достиг апогея в своей истории и превратился в великую мировую державу. Экономические показатели страны долго только улучшались. По данным ООН в 1990 г. СССР занимал 26 место по индексу развития человеческого потенциала.

Народное хозяйство развивалось быстрыми темпами. Были сделаны большие капиталовложения в гарантированное жизнеобеспечение государства всем необходимым. Созданы единые энергетические и транспортные сети. По сути дела, СССР стал единственной самодостаточной страной на планете, обеспеченной всеми необходимыми ресурсами. Стабильной являлась демографическая обстановка с постоянным приростом населения в 15% в год. За 18 брежневских лет оно увеличилось на 12 млн. человек (в демократической России за тоже время сократилось на 9 млн.).

В Конституции 1977 г. по сравнению с Конституцией 1936 г. были очерчены новые права

граждан: право на охрану здоровья, право на жильё. В период “застоя” было введено миллиарды кв. метров жилой площади, благодаря чему бесплатные квартиры и дома получили 162 млн. человек. Квартплата составляла всего 3% от семейного бюджета. Доступность жилья, образования и медицинского обслуживания являлись тогда, по мировым понятиям, беспрецедентными. Теперь эти права граждан полностью утрачены.

Главное, что осталось в памяти от «застойных» лет - это ощущение стабильности и покоя: ни тебе захватов заложников, ни взрывов домов, ни заказных убийств.

Стабильность царила во всём. Квартиры советских граждан постепенно наполнялись телевизорами, холодильниками, стиральными машинами и другой бытовой техникой. На рубеже 70-80-х годов был осуществлён переход к пятидневной рабочей неделе при двух выходных днях. Существенно были увеличены сроки оплачиваемых отпусков.

Наши люди всегда отличались непритязательностью. Они ценили достаток и не считали нужным рвать себе жилы ради избытка. Нет сомнения, что “эпоха застоя” - самое благополучное время в советской истории. Но некоторые специалисты утверждают, что это был даже самый благополучный период за всю историю России. Именно в этот период был создан тот запас проч-

ности, который в условиях дикого рынка позволил стране окончательно не скатиться в пропасть.

Однако, начиная с 70-х годов, в связи со сменой технологического уклада модель “развитого социализма” начала устаревать, что сказалось на экономических показателях СССР. Советский Союз стал отставать от Запада в наукоёмких областях, прежде всего, в развитии информационных технологий. Обострилась проблема снабжения населения продовольствием. Несбалансированность плановой экономики создавала благоприятные условия для разного рода перекупщиков и спекулянтов, что порождало коррупцию. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с современной.

Государство теряло силы в непонятной народу афганской войне. Гористая, нищая страна, как магнит, притягивала к себе великие империи древности и современности и роковым образом душила их в своих объятиях. В Афганистане увязли войска Александра Македонского, Тамерлана, Великобритании и Советского Союза. Теперь здесь на глазах всего мира терпит поражение последняя великая империя – США.

Рассматриваемый период завершился чередой смертей трёх престарелых генсеков. В 1982 году умер Брежнев, в 1984-м - Андропов, в 1985-м - Черненко. Два последних уже при избрании на высшие партийный и государственный посты были смертельно больны. В стране остро ощущалась

потребность в обновлении, в приведении её внешней и внутренней политики к современным реалиям. Увы, новое руководство СССР во главе с М.С. Горбачевым повело его в диаметрально противоположном направлении, что в конечном итоге закончилось национальной катастрофой.

Но что интересно: спустя четверть века после начала перестроек и реформ Президент Российской Федерации Д.А. Медведев заявляет: «Не секрет, что с определённого периода в нашей политической жизни стали появляться симптомы застоя, возникла угроза превращения стабильности в фактор стагнации. А такой застой одинаково губителен и для правящей партии, и для оппозиционных сил. Если у оппозиции нет ни малейшего шанса выиграть в честной борьбе – она деградирует и становится маргинальной. Но если у правящей партии нет шансов нигде и никогда проиграть, она просто «бронзовеет» и в конечном счёте тоже деградирует, как любой живой организм, который остаётся без движения» (См. Медведев Д.А. Наша демократия несовершенна, мы это прекрасно понимаем. Но мы идем вперёд //Видеоблог Дмитрия Медведева, 2010, 23 ноября. URL: <http://blog.kremlin.ru/post/119/transcript>). Видимо, исследователям нужно вновь обратиться к проблеме повторяемости и цикличности в истории.

Основная литература

1. Антонов М. Реформа Либермана - Косыгина-«Революция обывателей»
[//http://m-antonov.chat.ru/capital/ant_glava_7.htm](http://m-antonov.chat.ru/capital/ant_glava_7.htm)
2. Булавка Л.А. А.Солженицын: от критики насилия в СССР до апологетики насилия в США //Л.А. Булавка //Альтернативы, 2006, №4.
<http://www.alternativy.ru/ru/node/504>
3. Бушин В.С. Гении и проходимцы /В.С. Бушин.- М., 2004.
4. Воронцов А. Мифы "Пражской весны". О событиях в Чехословакии в конце 1960-х гг.// <http://www.voskres.ru/history/praga.htm>
5. Гинзбург В.Л. О феномене Сахарова /В.Л. Гинзбург //Свободная мысль, 1992, №2.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа /Н.Я. Данилевский.- М., 1995.
7. Жуковский С.Т. Россия в истории мировой цивилизации. IX-XX вв./ С.Т. Жуковский, И.Т. Жуковская.- М., 2000.
8. Конквест Р. Большой террор: в 2-х кн. /Р. Конквест.- М., 1991.
9. КПСС (1898-1991): Документы
[// http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KPSS/_KPSS.html)
10. Максимов В. История одной капитуляции /В.Максимов //Правда, 1994, 28 декабря.

- 11.Медведев Р.А. Личность и эпоха: Политический портрет Л.И. Брежнева /Р.А.Медведев.- М., 1991.
- 12.Майоров А. М. Вторжение, Чехословакия, 1968. Свидетельства командарма //А.М. Майоров. - М., 1998.
- 13.Письмо 25-ти. Письмо 25-ти деятелей советской науки, литературы и искусства Л.И. Брежневу против реабилитации И.В. Сталина //Новая газета, 2010, 19 февраля. <http://www.novayagazeta.ru/data/2010/018/24.html>
- 14.Попов В.П. Эпоха «застоя»: pro et contra. 1965-1985
// <http://www.rags.ru/files/301.doc>
- 15.Солженицын А.И. Матренин двор /А.И. Солженицын //Новый мир, 1963, №1.
- 16.Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию: Посильные соображения //А.И. Солженицын. – Л., 1990.
- 17.Солженицын А.И. Русский вопрос к концу XX века /А.И. Солженицын //Россия и современный мир, 1995, № 2.
- 18.Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом /А.И. Солженицын. – М., 1996.
- 19.Такман Б. Августовские пушки /Б. Токман. – М., 1972.
- 20.Шубин А. В. Диссиденты, неформалы и свобода в СССР /А.В. Шубин.- М., 2008.

**Чарушников
Валерий Дмитриевич**

ЭПОХА
«развитого социализма»
(заметки исследователя)

Некоммерческое электронное издательство
«Российская историография»
www.klio.3dn.ru
Электронный ресурс
Формат 60 x 84, 1/16, 6 п.л.
Дата размещения в Интернете: 09.02.2012 г.